
Огонек
26

ПО СОВЕТСКОЙ ЗЕМЛЕ

Трудящаяся молодежь новых советских республик впервые свободно отпраздновала свой боевой праздник — Международный юношеский день. В городах Литвы, Латвии и Эстонии, в городах Молдавской союзной республики состоялись демонстрации, посвященные XXVI Международному юношескому дню.

На снимках: слева — колонна молодых бойцов латвийской стрелковой части на демонстрации; справа — демонстрация в Кишиневе.

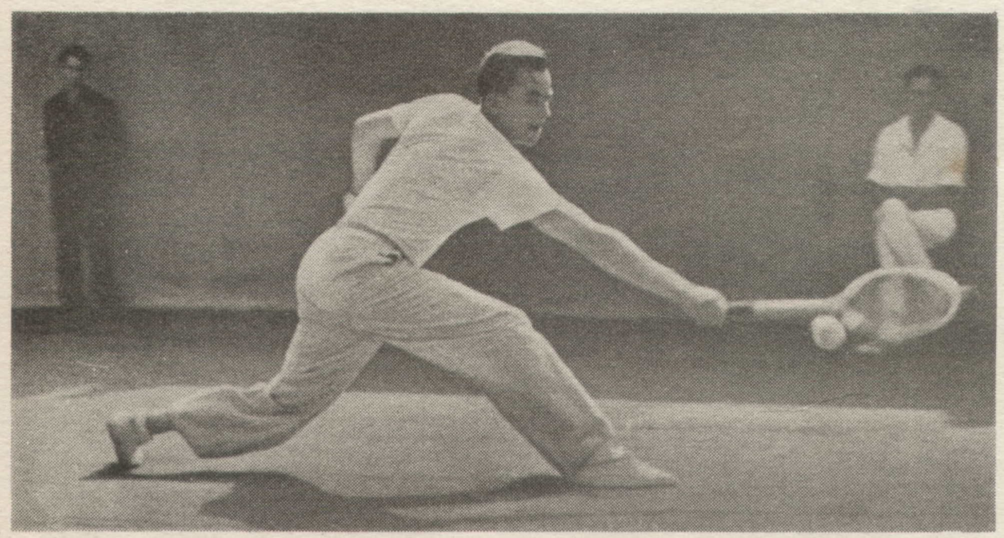
2 сентября начался учебный год в наших вузах. На снимке: слушатели Промакадемии имени Л. М. Кагановича, депутаты Верховного Совета СССР, Валентина Хетагурова и Иван Гудов беседуют с принятыми в этом году в Академию седовцами. Слева направо: в первом ряду — Герои Советского Союза Н. С. Шарыпов и С. Д. Токарев, В. С. Хетагурова, Герой Советского Союза В. С. Алферов, И. И. Гудов; во втором ряду — Герои Советского Союза Д. П. Буторин, И. И. Гетман, П. В. Мегер и Е. И. Гаманков.

На высоту 6750 метров поднялся аэростат «СССР ВР-80» объемом в 380 кубических метров под управлением пилота тов. Б. А. Невернова. На снимке: тов. Невернов у аэростата перед своим выдающимся рекордным полетом.

Уборка хлопка в колхозе имени Димитрова (Марыйский район, Туркменской ССР) носит несколько необычный характер. Комсомольцы-призывники сочетают эту работу с другой, не менее нужной, работой — оборонной, производя уборку хлопка в противогазах.

Первенство СССР в лаунтеннисе присуждено в этом году победителю на происходившем в Москве всесоюзном матче тов. Ю. Хебде (УССР).

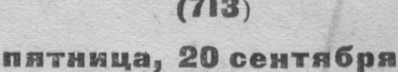

На Крымской набережной, в Москве, идут работы по строительству здания Всесоюзной академии наук. Под основание фундамента забиваются сотни мощных железобетонных свай. На снимке: наблюдатель тов. Ладыжинская записывает показания приборов аппарата, испытывающего сваю под давлением в 45 атмосфер.

На обложке: Тактические занятия частей РККА. Экипаж бронемашины выходит для действий в пешем бою. Фото Ник. Соловьева. **На последней странице обложки:** В шахте (Южноказахстанская область). Фотоэтюд А. Узлян.

18-й год издания

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

№ 26

(713)

пятница, 20 сентября 1940 года

ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ И ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ

ВЫХОДИТ ТРИ РАЗА В МЕСЯЦ

Семен Кирсанов

НОВЫЕ СОВЕТСКИЕ

Московские зори
забрезжили,
как яблоко
в полном наливе!
Свобода
всему побережью
сияет
на Рижском заливе.
Три знамени
яркобагряные!
Развернутый воздух
кристален!
И новые песни
нагрянули
на Каунас,
Ригу
и Таллин.
Три города
с бантами красными,
три знамени —
доводы веские:
что с нами
сдружились
и празднуют —
республики
новосоветские!
Не кирхам,
постылым и набожным,
не мраморно-чопорным
банкам —
Свобода
проходит по набережным
навстречу
украшенным танкам.
Свобода
проходит по Балтике
у каждого дока и мола —
на ярком,
на складчатом бархате
с серпом обнимается молот.
С неволей вчерашней
развяжемся,
к чудесному завтра
готовься!
Октябрьское знамя —
трудящимся
эстонцам,
латвийцам,
литовцам!
По-новому
Балтика плещется,
Взволнованы
страны-подруги!
Крестьянин!
Земля — не помещичья,
бери ее в крепкие руки!
Исполнились
давние помыслы,
и родина
сделалась шире.
Рабочий!
Завод — не сметоновский,
бери его
в руки большие!
Доплыло
до северозапада
кремлевское
красное солнце,
и к счастью
ворота
не заперты
литовцам,
латвийцам,
эстонцам.
Война
заливает империи,
и целые страны
размыты,
роняют
смертельные перья
«Спитфайры»
и «Мессершмидты».
И только
советская родина
единственная
спокойна,
не брошена в бойню,
не отдана
в железные челюсти
войнам!
И мчатся
надежными стражами
над Балтикой
грозные птицы,
их видят
советские граждане:
эстонцы,
литовцы,
латвийцы!

Илья Эренбург

ПАДЕНИЕ ПАРИЖА

3. ГЛАВНЫЙ ПРОВИНЦИАЛЬНЫЙ ГОРОД

Четырнадцатого июня немцы вошли в Париж. Возле Триумфальной арки был парад. Моторизованные части проходили через город на юг. Париж был пуст: несколько старух на окраинах, несколько нарядных девиц на Елисейских полях да полицейские, услужливо козырявшие. Это был новый, фантастический город, не Париж, но его скелет: дома с закрытыми ставнями, щиты магазинов, длинные прямые улицы без единого прохожего, мусорные ящики с мусором, тишина, кошки и птицы.

Кошек и птиц пугало гудение моторов: днем и ночью самолеты низко летали над городом.

Помню женщину возле почтового ящика: она плакала, умоляя вынуть из ящика ее письмо: она написала то, что не нужно: «Я не знала...»

Немцы перевели часы на берлинское время. До оккупации часы уже были переведены на час вперед. Запретили выходить на улицу после 9 часов по новому времени, то есть после 7 часов. Солнце высоко стояло над мертвым городом. Потом разрешили ходить до 10 часов, но мало кто ходил. Подвечер стояли кучками у ворот и шушукались. Вдруг раздавался окрик громкоговорителя: «Заходите в дома!» Тишину нарушали только шаги патрулей и гудение самолетов.

В первые дни газет не было. Загадочная станция «Национальное пробуждение» сообщала о несуществующих отрядах под номерами, о том, что «мстители» арестовывают масонов, о погромах и расстрелах. Правительство в те недели кочевало; никто не знал, где оно. Париж ловил волну Бордо и слушал то проповедь епископа, который твердил о «каре божьей», то невнятный старческий лепет маршала Петэна. Немцы взяли Лион, Пуатье, Ла Рошель. Каждый день гибли города. Маршал, путаясь, бормотал о «достоинстве» Франции и защищал свое право на капитуляцию.

Как-то я шел по бульвару Порт-Рояль. На скамье сидел пьяный бродяга в лохмотьях и кричал: «Дайте мне гербовую бумагу, я сейчас же подпишу перемирие! Раз, два, три!»

Пять дней Париж жил без газет. Семнадцатого июня вышли «Матэн» и газета бывшего анархиста Эрве «Ла виктуар» («Победа»). Старики, продавая листок, хрипло выкрикивали: «Ла виктуар»! Редкие прохожие усмехались. Один сказал: «Хороша победа!» Два дня спустя стали выходить «Пари суар» (со скромным указанием «Новая серия»), «Ла Франс о травай», «Дерньер нувель». Статьи были подписаны никому не известными именами или же вовсе не подписаны. Покупали газеты мало.

Семнадцатого июня «Ла виктуар» писала: «Париж достоин почетного с ним обращения». Двадцать четвертого июня «Матэн» писала: «Условия перемирия будут прежде всего почетными». Двадцать шестого июня условия перемирия были опубликованы. «Пари суар» называла эти условия рыцарскими.

О чем писали парижские газеты? Один журналист предлагал французам «вернуться на землю и стать землепашцами». Другой выкидывал героический лозунг: «Чтобы спасти Францию, копите деньги!» Третий писал: «В каждом французе скрыт еврей, и мы должны прежде всего убить в себе еврея».

Объявления точнее нежели статьи передавали жизнь города: «Инженер, знаю немецкий язык, согласен быть приказчиком или коммивояжером», «Писатель, получивший два голоса при присуждении премии Гонкура, согласен на любую работу», «Составляю за скромную плату генеалогические деревья». Больше всего было объявлений о розысках близких: искали детей, мужей, родителей, солдат, беженцев, мертвых.

На улицах, в очередях, в лавках, в подворотнях говорили об одном: «Где ваш? От моего ничего». Письма из неоккупированной зоны стали приходить только с середины июля. Люди не знали, где их близкие. Вся улица говорила о радостном событии: сын булочницы нашелся; он в плену.

На столбах висели афиши театров. Четырнадцатого июня в театре «Одеон» должна была идти «Федра». Потом поверх наклеили афиши па немецком языке: «Кино для солдат».

Странно было разглядывать парижан, оставшихся в Париже: старухи в ночных туфлях, как будто уже разувшиеся перед смертью, одинокие опрятные старички, горбуны, хромые, инвалиды и еще иностранцы. Впрочем, я забыл о Кьяппе, Пинелли и других; эти были в Париже, но я их не видел на пустых улицах...

Утром все выходили с кошолками. Это было и голодом, и спортом, и помешательством: все запасались всем. Тащили на себе бидоны с прованским маслом, картошку, вино. В только что открывшуюся лавочку, запыхавшись, вбегала женщина: «Что есть?» Это была личинка; из нее вырастала, как червь, длинная извивающаяся очередь. Стали писать мелом на стеклах, каких товаров нет; эти списки росли.

Не было ни автобусов, ни такси, ни частных машин. Собакам было раздолье: впервые за свою собачью жизнь они бегали не на привязи.

По мостовой шли беженцы с колясками: они возвращались назад. Они все видели, все пережили, и на них было страшно глядеть.

Кто-то вдруг вспомнил, что Париж—большой город: запретили переходить улицы, кроме мест, назначенных для пешеходов.

После первого июля приток возвращающихся беженцев уменьшился: военные власти не впускали больше беженцев из неоккупированной зоны.

В день приходили два поезда с беженцами из оккупированной Бретани. Парижане, возвращаясь, думали, что увидят носильщиков, такси. Их ждали алжирские арабы с ручными тележками. Арабы хватали багаж и неслись. За ними по мостовой рысью бежали владельцы багажа.

Все приказы, все запреты подписывал парижский префект—француз. Французские полицейские ловили французских солдат, прятавшихся по домам. На авеню де Гобелен я увидел кучку женщин возле полицейской каретки: ловили солдат. Раздался крик: «Пропустите мать!» Старая работница кинулась к арестованным и поцеловала одного из солдат.

Почти все магазины (кроме продуктовых) были закрыты: убежали и хозяева и служащие. Приказали открыть универсальные магазины. Несколько приказчиц металось, обслуживая огромный магазин. Торговля шла бойко: военные покупали все.

Немцы напечатали оккупационные деньги: они имеют хождение во Франции, в Бельгии, в Голландии, но не в Германии. Было объявлено, что одна марка равняется двадцати франкам.

Мелкие коммерсанты всячески старались привлечь новых клиентов. В витринах появились путеводители, словари, открытки с видами, различные сувениры. Кто знает, сколько было продано пресспапье ввиде Эйфелевой башни или собора Парижской богоматери? Некоторые кабатчики вывесили плакаты «Хорошее пиво» по-немецки. В первые же дни оккупации открылась польская книготорговля и стала бойко торговать путеводителями по Парижу на немецком языке. Потом пооткрывались некоторые дорогие рестораны; владельцы давали объявления в газетах по-немецки, расхваливая различные блюда. В газете «Матэн» я прочел: «Наши новые гости уже оценили всю тонкость французской кухни».

Париж был отрезан от мира. В первые недели оккупации письма принимали только в предместья города. Потом с трудом почта начала доходить из разных городов: то из Бордо, то из Тулузы. Телеграмм не принимали. Связи с заграницей не было. Запретили слушать иностранные радиопередачи. Французское радио молчало. Париж жил одиноко, как Чортов остров.

На Эйфелевой башне висел германский флаг. Такие же флаги висели над Палатой депутатов, над правительственными зданиями, над большими гостиницами. Расчистили площадь Конкорд от мешков с песком. На этой площади был устроен военный концерт под управлением профессора Шмидта. Както я проходил по площади Оперы; на ступенях театра сидели трубачи и барабанщики; кинооператоры их снимали.

На некоторых кафе появились дощечки, указывающие, что эти заведения не должны посещаться военными и штатскими немцами: на кафе «Дом», где прежде собирались художники, на кафе «Де Маго», облюбованном некогда французскими писателями, на ряде других. Запрет исходил от военных властей.

На террасах кафе в центре города было много проституток, веселых и нарядных, в сандалиях, с кровавыми ногтями на голых ногах.

В театре Майоля шло обозрение «Париж остается Парижем» с немецким переводом: «Immer Paris». Других театров не было за отсутствием и актеров и зрителей.

Появились торговцы зажигалками (спички то и дело исчезали); чинили зажигалки, расхваливали камешки, всучали фитили.

Накануне четырнадцатого июля газета «Ла Франс о травай» писала: «День взятия Бастилии был праздником франк-масонов». Четырнадцатое июля прошло незамеченным. Обычно в этот день танцовали на улицах. Теперь все бегали по городу: искали молоко, масло.

Я встретил бедную женщину, которая подобрала трех детей беженцев. Она их кормила и на последние гроши давала объявления в газетах: искала родителей ребят.

Одна элегантная дама при мне сказала: «Хорошо будет, если немцы останутся здесь десять лет: они наведут порядок». Я не стану рассказывать о том, что говорил народ.

Газета «Пари суар» писала о Париже: «Главный провинциальный город Франции заживет жизнью, достойной столицы». Главный провинциальный город... Впрочем, Париж вряд ли подходил под это определение. Хотя его дворцы были невредимы, он походил, скорее, на мертвый Рим, каким его представляет Пиранези, и меня не удивила высокая трава, которой покрылись обычно стриженые под машинку скверы Тюильри. Эта дикая трава вокруг статуй вязалась с обликом непонятного, ирреального Парижа.

Вокруг Парижа были прежде рабочие предместья; их называли «красным поясом». Оттуда когда-то доносились крики заводских сирен и звуки «Молодой гвардии» (песня комсомольцев). Опустели и предместья: рабочие узнали, что Франция должна стать земледельческой страной.

После четырнадцатого июня я ходил по улицам, как завороженный: я не мог понять, что я хожу по Парижу. Потом я привык, и теперь мне трудно вспомнить обыкновенный Париж, с толпой на улицах, с гудками машин, с огнями. Перед моими глазами город огромный и пустой. Кажется, он стал еще прекрасней. Его теперь можно было рассмотреть: ни прохожие, ни витрины, ни автомобили не отвлекали больше внимания. Можно было стать по середине длинного проспекта и глядеть вдаль: раскрылись все перспективы, обнажились все порталы, все ниши, все барельефы.

Дела международные

Рис. Бор. Ефимова

Может быть, он стал уродливым — Париж без парижан, старый грязный город, с трущобами, с прокопченными домами, с чахлыми скверами окраин. Ничто больше не оживляло этого города, не скрашивало его старости, не утешало его нужды.

Не только глаз — ухо не могло понять перемену. На улице Риволи, под аркадами, вместо обычного гомона, криков газетчиков, гудков машин стояла торжественная тишина.

На Больших Бульварах мальчишка лет десяти продавал открытки. Он кричал: «Виды старого Парижа!» Я думал, что он продает фотографии парижских древностей, но это были обыкновенные открытки с видами того Парижа, который еще не назывался «главным провинциальным городом». Я посмотрел на мальчика: парижский воробей, родной брат Гавроша из «Отверженных»; он где-то раздобыл пяток открыток: решил накормить мать и острым словцом позабавить случайных прохожих — живой мальчик в мертвом городе.

В. Ардаматский

В ОСВОБОЖДЕННОЙ СТРАНЕ

(От специального корреспондента «Огонька»)

Рига, начало августа 1940 г.

На тихой рижской улице Индраны стоит уютный трехэтажный домик. Перед входом разбит цветник: флоксы, душистый табак. Позади дома сад. Чуть слышен шум большой улицы, проходящей в стороне. Здесь живут чиновники и мелкие конторские служащие. В июне 1939 года весь дом был взбудоражен. У дверей дома стояли охранники. По лестницам шныряли шпики. Кто бы мог подумать, что в одиннадцатой квартире, где живет Марта Вирвинская, обнаружена типография! Больше того: в этой квартире в течение трех лет печаталась запрещенная коммунистическая газета «Циня». Охранники с грохотом тащили с третьего этажа комод, в котором вместо белья были разложены шрифты. Тащили стол, который оказался вовсе не столом, а печатным станком.

Охранка торжествовала: неуловимая подпольная типография, печатавшая ненавистную газету «Циня», разгромлена...

В это же время на улице Аристида Бриана в квартиру 14 дома № 18 вошли молодой человек и девушка. Они прошли в комнату, в которой стояли диван, кровать, этажерка, стол, подошли к сундуку, сняли с него коврик и открыли крышку. В сундуке лежали тяжелый ручной типографский пресс и три наборных кассы. Пришел наборщик, и вскоре из-под пресса вынули оттиск — это была первая страница газеты «Циня». Газета снова пошла к своему читателю.

Борьба продолжалась.

Газета «Циня» — по-русски «Борьба» — имеет большую и славную историю. Ее первый номер вышел почти 37 лет назад, в марте 1904 года. С 1918 года «Циня» становится боевым органом большевиков Латвии. В 1919 году в течение пяти месяцев, когда в Латвии была советская власть, газета «Циня» выходила открыто. После падения советской власти в Латвии «Циня» снова стала выходить как нелегальный центральный орган латвийской компартии. Проваливалась одна подпольная типография, охранка бросала в тюрьму работников газеты, но немедленно партия ставила на их место новых товарищей, организовывала новую подпольную типографию.

Иногда охранникам казалось: ну, придушили большевистский голос! Увы, через несколько дней очередной шпик робко клал на стол начальника свежий номер газеты.

Так было и после провала типографии на улице Индраны. Печатание «Цини» взяла на себя другая подпольная коммунистическая типография, в которой работали товарищ Крупников и семья Плавиных — всего шесть человек. Типография эта существовала с 1938 года, но и за такой небольшой срок она выполнила огромную работу: печатала журнал, листовки, воззвания, русскую коммунистическую газету «За единство».

В охранке сбились с ног: выходили все новые и новые номера газеты «Циня». Типография была законспирирована отлично.

Провалилась она только 12 апреля 1940 года и то случайно. В этом же доме была назначена нелегальная явка комсомольцев. Шпики следили за ними и случайно напали на след типографии.

Охранка нагрянула на квартиру, когда там никого не было. Ничего не тронув, они оставили на лестнице шпика. Утром, когда семья Плавиных была дома, охранка нанесла вторичный «визит» и теперь уж забрала все оборудование типографии и арестовала семью Плавиных. Товарища Крупникова схватили на улице.

21 июня, через два месяца после провала этой типографии, латвийский народ открыл двери тюрем, в которых томились борцы за его свободу и счастье. Вместе с другими вышли из тюрьмы и работники подпольных большевистских типографий: товарищ Крупников, семья Плавиных и другие. Они не пошли домой, они пошли искать типографию, чтобы немедленно выпустить газету.

22 июня в Риге — на этот раз легально! — вышел очередной номер «Цини».

CINA

Visu zemju proletārieši, savienojieties!

LATVIJAS KOMUNISTISKĀS PARTIJAS (KOMINTERNES SEKCIJE) CENTRĀLORGANS

PSRS Augstākā Padome vienbalsīgi pieņēmusi likumu

par Padomju Latvijas uzņemšanu Padomju Sociālistisko Republiku saimē

I. V. STALINS

Iestājoties Padomju Savienībā,

daudzkārt pieaugs Padomju Latvijas spēki,

nostiprināsies miers Baltijas jūras piekrastē,

pieaugs arī lielās Padomju Savienības varenība

Lai dzīvo atbrīvoto tautu brālīgā saime!

Lai dzīvo vispasaules darba ļaužu ģeniālais vadonis — biedrs STALINS!

Atzīmējot PSRS Augstākās Padomes vēsturisko lēmumu,

piedalīsimies visi manifestācijā šodien pl. 18

Apsveikumi Staļinam, Molotovam un Kaļiņinam

Visas pasaules darba ļaužu lielajam vadonim biedram Staļinam

PSRS tautu komisāru padomes priekšsēdētājam un tautu ārlietu komisāram biedram Molotovam

PSRS Augstākās Padomes prezidijam, biedram KAĻIŅINAM

«Циня» от 6 августа 1940 г. Вся первая страница посвящена вступлению Латвийской Советской Социалистической Республики в СССР.

борьбы за счастье русского и латвийского народов.

Вместе с нами едет худой, болезненного вида человек. Его фамилия Левинс. Он прожил двадцать девять лет, из них десять провел в рижском централе.

Когда 21 июня он вышел за ворота тюрьмы, когда грянуло со всех сторон несмолкаемое «ура», когда совсем незнакомые люди стали обнимать и целовать его, Левинс понял: наступило то, за что боролся, за что потерял десять лучших лет жизни...

И вот сейчас Левинс — пропагандист; он разъезжает по фабрикам и заводам, вместе со всем народом строит в Латвии, в любимой Риге советскую власть.

Еще один поворот, и мы увидим знаменитый централ.

Вот и тюрьма. Высокая каменная стена окружает несколько угрюмых корпусов. Через тюремные помещения мы проходим во внутренний двор. Нас ведет начальник тюрьмы — коммунист Гринберг, бывший заключенный. Он сидел чуть ли не во всех этих корпусах, и его очень хорошо знала тюремная администрация. Гринберг подводит нас к железной решотчатой двери, к той самой, которая более десяти лет скрывала его от мира. Все было так же: у двери стоял тюремный охранник с позолотой на картузе, так же звенели ключи. Только тогда тюремщик не был таким предупредительным. Сейчас он вытягивается «смирно», быстро отпирает дверь и, лихо козырнув, отходит в сторону.

★

Знаменитая рижская центральная тюрьма вошла в историю двух поколений революционеров России и Латвии. Улица, по которой мчится наш автомобиль, ведет к централу. Сюда гнали этапом, доставляли в закрытых каретах, в автомобилях с решотками людей, ставших под знамя

Мы входим в тесный треугольный двор, образуемый глухими стенами двух корпусов и высоким каменным забором. В 1905 году у этой стены были расстреляны революционеры, которые по сигналу русского пролетариата подняли знамя борьбы против самодержавия.

В 1919 году на этом же дворе было совершено не менее страшное убийство. Время было неспокойное, и реакционная клика решила побыстрее расправиться с опасными большевиками, заключенными в тюрьме. Вот сюда, к этому корпусу, были выведены коммунисты, и, раньше, чем кто-либо из них смог понять, что происходит, хлестнули пулеметы.

На каменной стене следы от пуль. Одна, пронзив чье-то горячее сердце, ударила в железную дверь и сделала вмятину.

Кто-то говорит:

— Эту дверь мы свезем в наш музей революции.

По крутой лестнице поднимаемся на сторожевую башню. Наши спутники показывают на запад:

— Видите эту грустную иву? Там были свалены трупы расстрелянных. Их было немало — получился курган. На этом кургане всегда лежали свежие венки из цветов. Тюремщики выбрасывали их, но назавтра снова чьи-то любящие руки украшали братскую могилу. Под предлогом строительства правительство срыло курган...

Мы смотрим на желтеющие ржаные поля, на зелень садов, окружающих тюремный город, и думаем о том, что здесь латвийский народ воздвигнет величественный памятник своим погибшим героям...

До 21 июня в рижской тюрьме томилось около тысячи революционеров. Они подвергались неслыханным издевательствам и пыткам. Нашего спутника Левинса больного бросили в холодный карцер и, хотя была зима, открыли в коридоре все окна. Преследовали одну цель — уморить заключенного. Левинс получил тяжелый ревматизм, но он выжил и сейчас вместе с нами стоит у раскрытой двери этого карцера, рассказывает о страшных днях, проведенных в этой каменной клетке.

В рижском централе была разработана целая система удушения людей, а когда революционер не сдавался, его объявляли душевнобольным и бросали в специальный корпус, с маленькими круглыми камерами и большими, плечистыми тюремщиками, обученными мастерству избивать до полусмерти.

Но даже здесь, в этой каторжной тюрьме, большевики продолжали борьбу. Многолетние жители этого страшного дома — Левинс, Гринберг, Видс и другие — сейчас водят нас по камерам и показывают, как им удавалось обманывать тюремщиков. Вот щелочки, в которых прятали записки; вот ниша в вентиляционной трубе: здесь хранилась литература. И, наконец, самое заветное, о чем знали немногие, — потайное местечко, в котором хранился маленький радиоаппарат, доставленный в тюрьму по частям. Здесь коммунисты слушали Москву.

— Вы знаете, — говорит один из них, — эти минуты, когда мы слушали голос родной Москвы, были самыми счастливыми. Каждая такая минута давала силы на годы борьбы, уверенность в победе.

И теперь, когда они говорят о победе, они прежде всего говорят о великом Советском Союзе, о любимом Сталине, который помог им сделать Латвию советской.

РИГА—СТОЛИЦА СОВЕТСКОЙ ЛАТВИИ

Площадь «Черноголовых», одна из достопримечательностей Риги.

Здание Национальной оперы.

В старом городе. На заднем плане Пороховая башня.

Вид набережной.

Улицы Риги отличаются чистотой, простором и обилием зелени. Трудящиеся Латвии по праву гордятся своей столицей.

Иоганнес Варес

(Барбарус)

СОЛНЦЕВОРОТ

Дорога солнечная выше с каждым днем.
Жар-птица крылья разметала на востоке,
и хлынул свет. Внизу покоятся без сил
и люди и земля; их зимний сон скосил.
Когда на небесах, как остров одинокий,
алеет облако, охвачено огнем,
и волны воздуха колышет ветер властный,
тогда я сам себе допрос чиню пристрастный.
В рассветном пламени, как слабая звезда,
погасну ль я, зарей весенней ослепленный,
тем светом солнечным, что сотворил меня?
Вознес ли я кого над смолкшим плеском дня?
Светил ли я кому средь мрака ночи сонной,
когда, казалось, все померкло навсегда,
когда на шар земной нахлынул сумрак серый?
Смотрел ли кто-нибудь в глаза мне с твердой верой?
Слыхал ли кто-нибудь поэта зов живой,
Что звал народ на штурм вершины заповедной?
Мой дух! Ты осознал: все двери заперты,
но не притих, как мышь, не покорился ты,
хоть повелела жизнь, чтоб смолк твой марш победный,
чтоб с головы упал последний волос твой,
чтобы последнее ушло тепло из тела
и песня зимних бурь вокруг тебя гудела...
Как театральный зал, разубран небосвод,
воскрес обмерший мир, и снег растаял старый,
кудрявых облаков скитаются отары:
солнцеворот настал, большой солнцеворот!

Перевел с эстонского Аркадий Штейнберг.

Август Арайс-Берце

В ПОДПОЛЬЕ

Ниже печатаются рассказы талантливого латышского революционного писателя Августа Арайс-Берце (1890—1921).

Август Арайс-Берце — славный сын латышского трудового народа. С 1905 года он вступил в борьбу против царского самодержавия, против невыносимого социального и национального гнета. Товарищ Арайс-Берце в 1919—1920 годах был активным участником боев за Советскую Латвию. Когда на его родине восторжествовала реакция, Арайс-Берце продолжал вести революционную работу в подполье: он был членом ЦК компартии Латвии. В 1921 году тов. Арайс-Берце был расстрелян озверелыми палачами из лагеря латышской реакционной буржуазии.

Трудящиеся свободной Советской Латвии бережно хранят память об Августе Арайс-Берце, выдающемся революционном деятеле и одном из зачинателей латышской пролетарской литературы. Его рассказы и стихи посвящены темам революционной борьбы.

Август Арайс-Берце.

I. «МАМИНА ДОЧКА»

На Первое Мая необходимо, крайне необходимо, напечатать листовку, такую небольшую листовку, строк в сто. Это так просто, но вместе с тем так сложно. Набор готов, но печатать листовку придется у «Маминой дочки». Это недалеко: идти к ней около часа, — но так как ноша тяжела, предстоящий путь кажется необычайно длинным.

Дождавшись наступления вечера, беру подмышку свою типографию и иду к «Маминой дочке». Вижу я ее впервые, наблюдаю за ней с любопытством. Но вида не показываю. Поздоровавшись, моментально принимаюсь за работу, как будто, кроме моей работы, меня ничто на свете не интересует.

Я безумно занят приготовлением краски, бумаги, но незаметно наблюдаю за ней. Действительно, она внушает симпатию. Глаза... Да, какого же цвета ее глаза? Но разве у меня есть время всматриваться в ее глаза?

Она, видимо, жизнерадостная, веселая. Подходит ко мне: ей надо посмотреть, какова моя машина. Пусть смотрит... Стараюсь показать, будто я мастер своего дела. А ведь это только вторая листовка, изготовляемая мною. Честно говоря, первая листовка была отпечатана неудачно, только заглавие и подпись были ясно видны, содержание же приходилось расшифровывать с большим трудом. Но все это нисколько не мешает мне строить из себя знатока, потому что я должен знать печатное дело.

Я серьезно смотрю в глаза «Маминой дочке» и заявляю, что в пять минут можно напечатать сто воззваний.

— Неужели? — удивляется она и лукаво улыбается.

Я намачиваю и укладываю бумагу, исправляю вкравшиеся в текст ошибки. Ну что ж, можно начинать. «Мамина дочка» мне помогает. Мы работаем неуклюже, недостаточно эффективно и, наконец, оставляем работу на завтра. Она угощает меня чаем с белым пирогом, испеченным специально по случаю моего прихода:

— Это ведь настоящий праздник!

Мы «печем» листовки, а мать ее — пироги. Сказав эту фразу, она смеется своим заразительным смехом, и мне становится трудно сохранять серьезное выражение лица «гроссмейстера».

«Мамина дочка» рассказывает о себе. Она шьет для магазина белье по сдельным расценкам. Да, она зарабатывает сравнительно неплохо, но у нее большая семья.

Я удивлен.

— Большая семья? Вы же одна со своей мамой?

— Да, но я должна заботиться о брате, осужденном на каторгу, о сосланной сестре, к тому же одна сестра у меня — студентка, надо поддержать и ее. Но все это для меня чепуха... Я выдерживаю... В конце концов все будет хорошо. Сейчас сшила белье для сестры — надо его послать...

Тут она что-то вспоминает, вскакивает на ноги, бьет в ладоши, хватает приготовленную для сестры рубашку и проводит по ней валиком. На рубашке отпечатывается первомайское воззвание.

— Пошлю ей, вот будет сюрприз!..

«Мамина дочка» заливается своим детским смехом, и вместе с ней смеюсь и я. Нельзя не признать, что выдумка оригинальна.

— Да, но это не отстирается, — говорю я ей.

— Ничего, пусть носит так!

Назавтра мы продолжаем работать. Количество отпечатанных листовок все возрастает, а чистой бумаги — все меньше. Мы спешим закончить работу: ей ведь надо много шить, чтобы помочь брату-революционеру, томящемуся на каторге, сосланной сестре-большевичке и той сестре, которая учится в университете. А меня ждет печатание следующего воззвания. До чего она весела, до чего она мне нравится! Вместе с ней веселым становлюсь и я. И наша типография работает вовсю...

II. «ОДИНОКИЙ»

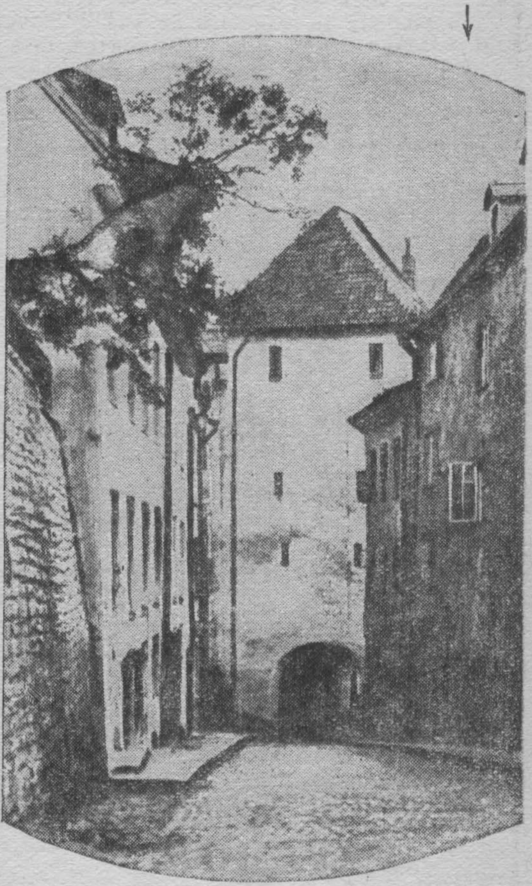
Я перебираюсь к «Одинокому». У него свой малюсенький домик и огород, который, впрочем, давно не возделывается. «Одинокий» работает слесарем на заводе. Зовут его так потому, что он живет один, почти ни с кем не встречается, говорит мало, всегда сосредоточен, нелюдим, не делится ни с кем своими переживаниями. У него была жена, но в 1906 году за принадлежность к партии большевиков она была арестована, а потом умерла в тюрьме. И вот теперь он один, всегда один, со своими думами и со своей ненавистью...

Ему уже больше сорока лет, он крепко сложен, с шатающейся походкой и маской равнодушия на лице. Но стоит лишь пристальней всмотреться в его глаза — и вы заметите в них искры острой ненависти.

(ОКОНЧАНИЕ НА СТР. 8)

ТАЛЛИН — СТОЛИЦА СОВЕТСКОЙ ЭСТОНИИ

Исторический уголок: «Башенные ворота».

Старинная часть города.

Шумны и оживленны улицы столицы Эстонской ССР. Центральная часть Таллина застроена многоэтажными домами, мостовые на улицах и проездах залиты асфальтом, всюду много зелени. В этом историческом городе ключом бьет новая жизнь.

Новые величественные здания украсили улицы Таллина.

Он встречает меня угрюмым молчанием. Мне делается как-то неловко. Но когда он крепко пожимает мою руку, я чувствую, что пришел к человеку, на которого можно положиться. Обе комнаты его небольшой квартирки отличаются исключительной чистотой и порядком. Кажется, как будто по всем вещам, находящимся в комнате, прошлась заботливая женская рука. Но женщина давно ушла из этого дома.

Вечерами, когда «Одинокий» возвращается с завода, он, засучив рукава рубашки на своих мускулистых руках, покрытых густой растительностью, приступает к обряду умывания. Выполняет его долго и сосредоточенно. Умывшись, тщательно вытирается и скупо роняет:

— Хорошо сегодня поработали?

Утром, уходя на работу, «Одинокий» кивает в сторону небольшого бидона с керосином:

— Если они придут, облейте все керосином и подожгите. Все сжигайте, ничего не оставляйте. Пусть горит хата. Они ничего не должны найти...

И мы работаем, запершись в доме «Одинокого». В углу бидон с керосином. Каждую минуту мы готовы выполнить приказ «Одинокого», который не колеблется ни минуты и готов сжечь все, лишь бы только испортить врагам радость победы.

III. ЧЕТВЕРО

Нас четверо... Трое, занятые печатанием нашей нелегальной большевистской газеты, и четвертый—маленький Дидзис. Он сидит на кроватке и внимательно следит за нашей работой. Иногда он смеется весело и беззаботно. Когда его спускают на пол, он, не теряя ни минуты, вскарабкивается на груду отпечатанных газет.

— Дидзи, Дидзи! Учись работать, — и мы показываем карапузу, как надо печатать газету.

Сомнений нет, он будет революционером!

Отец и мать Дидзиса заключены в тюрьму, как и многие другие большевики. Арестованные были нам близки и дороги. Где они теперь? Мы пытаемся отогнать мрачные мысли, одолевающие нас. Надежды еще теплятся в груди, но надежды эти так часто оказывались обманчивыми! Как бы отвечая на мои мысли, мой товарищ Кадикс говорит вполголоса:

— Придет и наш черед...

Он не произносит больше ни слова, но его голубые глаза говорят, что ему больнее всех. Он выпрямляет согнутую над станком спину, отбрасывает назад копну нависших на лоб волос и застывает на миг — лишь на один короткий миг — и потом снова принимается за работу. Мы механически продолжаем работу и молчим. Внезапно напряженную тишину прорезывает электрический звонок...

Кто-то хочет войти в квартиру. Работа останавливается, я иду открывать и вижу старуху-нищую. Опираясь дрожащими руками на палку, она просит подаяния. Я сую ей монету, и мы долго слышим излияния ее благодарности и просьбы о помощи нам, обращенные к богу. Мы не верим в бога, но эта сердечная просьба о помощи нам, революционерам, адресуемая богу, прогоняет нашу грусть. Нам делается веселей, и мы бодро принимаемся за печатание листовок. Руки делаются проворнее; в пальцах ощущение силы. Работать!

Маленький Дидзис, обняв своего медвежонка, непринужденно хохочет. На лбу его сидит муха, и полоса врывающегося в комнату солнца золотит его головку. На стене монотонно тикают часы. Время, вперед! Каждый из нас думает:

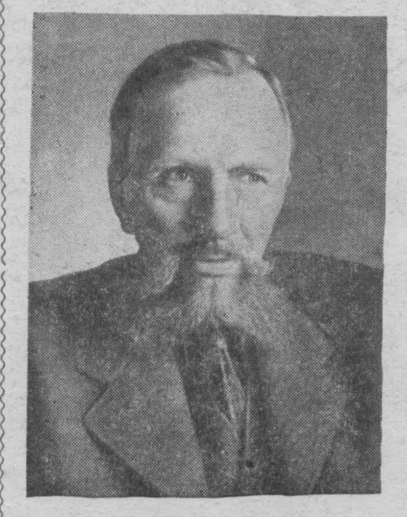
«Бодрей за работу! Прошлое в лице старухи молит о помощи нам. Мы творим в настоящем. Веселей за работу!»

Полоска солнца на головке Дидзиса все шире и ярче. Дидзис смотрит на нас и улыбается. Наше будущее смотрит на нас бодро и нам улыбается.

Веселей за дело!

Перевод Я. Менцендорфа

Людас Гира

ТРИ СТИХОТВОРЕНИЯ

★ ★ ★ ★ ★

РАЗМАХНИСЬ, КОСА!

Луг мой людскими несчастьями полон,
Слишком привольно и пышно расцвел он...
Гей, развернись, коса, размахнись!
Горькая песня, стальная коса моя,
Скорбью отточена, свищет, упрямая...
Гей, развернись, коса, размахнись!
Слезы блестят на лугу, как роса,
Блещет слезинками песня — коса...
Гей, развернись, коса, размахнись!
Плачет народ, о нужде своей думая,
Будит Литву моя песня угрюмая...
Гей, развернись, коса, размахнись!
Будит крестьян и зовет их на волю,
Горе развеять по чистому полю...
Гей, развернись, коса, размахнись!
Силу размять, штурмовать небеса
Спящих зовет моя песня — коса...
Гей, развернись, коса, размахнись!

Перевод с литовского Аркадия Штейнберга

НЕ СОКОЛЫ ШИРЯЛИ

Не соколы ширяли
Над Неманом глубоким,
То мои думы за счастьем легким
За лучшей долей гнались.
Не пестрая кукушка
В силках коварных билась,
То я, крестьянский сын, горемыка,
Без памяти влюбился.

Не солнце восходило,
Не руты расцветали,
То моя ласковая сестричка
Из-под ресниц взглянула.
Не липа шелохнулась,
Не соловей защелкал,
То моя ласковая сестричка
Промолвила мне слово...

Перевод с литовского Аркадия Штейнберга

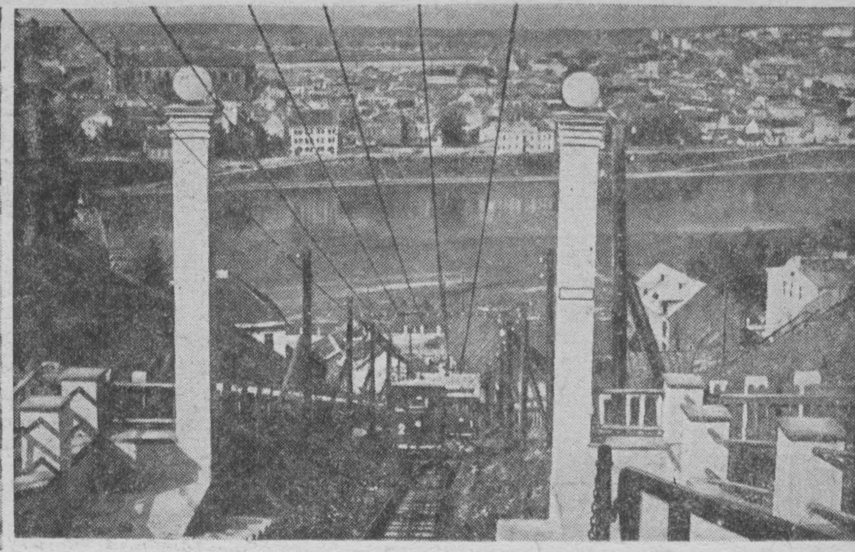
МОИ СНЫ

Мне снятся сны ночами,
Невиданные сны.
То плач над мертвецами,
То радости весны.
То вспыхивают зори
Над гладью светлых вод,
То, застилая море,
Густой туман встает.
Дворец растет из лога
Высоко, до небес,
К нему ведет дорога
Прямая через лес.
Дорогой я пустился,
К воротам подхожу.
Вдруг буйный ветер взвился...
И что я нахожу?
Нет замка и в помине,—
Увы! — прощай, ночлег!
Спит кладбище в долине,
Вокруг метель да снег.
И снятся мне могилы,
А рядом пышный пир,

И входит образ милый
В преображенный мир.
Я грежу все чудесней,
Звучит мой тайный сон
То радостною песней,
То звоном похорон.
Нисходят чередою
Видения ко мне.
Спи, сердце молодое,
Кружись, пылай во сне!
Вот пляска над могилой,
Вот «Реквием» звучит...
Я скован темной силой,
А сердце все стучит.
Упал я в глубь колодца,
Во мрак подземных вод.
Неистово несется
Глухой водоворот.
И снова солнце снится,
Дыхание весны,—
Неведомые птицы!
Невиданные сны!

Перевод с литовского М. Замаховской

КАУНАС — ЦЕНТР СОВЕТСКОЙ ЛИТВЫ

Каунас — большой красивый город. На наших снимках: сверху слева — центральная площадь города; справа — вид на Каунас с «Зеленой горки»; в центре — одна из основных магистралей Каунаса; внизу — общий вид города со стороны реки Немана.

А. Поляков

ЗА ДНЕСТРОМ

Из записной книжки военного корреспондента

Как и сто лет назад,
«Они сегодня над рекой
В шатрах изодранных кочуют...»

Река — излюбленное место цыган-кочевников. Больше нигде нет приюта: из деревни гонят, из города гонят, по необъятным землям помещиков даже проезжать запрещено... Остается река, помогающая утолить жажду, промыть глаза, приготовить пищу...

...Наша машина миновала живописную, всю в яблонях и грушах деревню Кричковцы. Впереди, в одной из складок широченного цветущего луга, блеснуло зеркало небольшой реки — одного из притоков Прута. На берегу шатры, люди, кони, повозки... Решительный поворот с дороги — и мы въезжаем почти в самый центр цыганского табора.

Вначале все примолкло, замерло. Черноглазые, взлохмаченные ребятишки испуганно и дико, зверьками, глядели на нас из-под каждой повозки, из-под лохмотьев шатров. Взрослые женщины сбились в кучи, держась друг за друга, и настороженно следили, что будет дальше. В руках цыганки исхудалый голый ребенок, двое малышей усиленно кутались в складках ее юбки. Мать, встревоженная, с расширенными и бегающими во все стороны глазами, напоминала нахохлившуюся наседку, готовую броситься в любую драку на защиту своих птенцов.

Как только наша машина стала приближаться к табору, цыгане-мужчины бросились к лошадям, вскочили на них и часть ускакала, а часть задержалась из любопытства. Эта группа смельчаков также была готова в любой момент провалиться сквозь землю.

Первые же наши приветственные слова вывели людей из оцепенения. Сначала робко, а затем смелее и громче посыпались ответные «здравствуйте», «салют», «товарищи». Табор был островком, на котором еще ничего не было известно об освобождении Бессарабии.

Через минуту мы были уже в плотном кольце всего таборного населения. Вокруг гудел взбудораженный людской муравейник. На нас смотрели, ловили каждое наше слово, каждое движение. А мы были поражены нищетою и убогим видом толпы. Если в первый день перехода границы мы встречали целые деревни босых крестьян, то здесь перед нами стояли уже полуголые люди...

У цыганок еще выдержан стиль, вековая традиция: они все в цветастых длинных юбках. Правда, на этих давно выгоревших длинных юбках осталось не столько цветов, сколько цветных заплаток. Кофт нет совсем. Кофту заменяет платок или простая косынка, перетянутая поперек груди. Оттого-то и прячутся друг за друга смущенные молодые цыганки: им нечем полностью прикрыть свое тело.

По-здешнему исключительно шикарно одета только одна Соня — шестнадцатилетняя таборная красавица, которую в трудные минуты табор подсовывал на глаза жандармскому шефу для... обольщения. На Соне, кроме юбки, надета еще и тюлевая кофта, сшитая из оконной занавески и добытая всем табором. Статная, с красивым смуглым лицом, она ухитрялась вымаливать у жандарма-держиморды лишние сутки для стоянки.

Круг людей смело растолкал и пробрался к нам бородатый, лет сорока пяти, рослый цыган — старший табора Якуб Стоян. Он первый заметил нашу подъезжающую машину и подал сигнал: «По коням! Офицеры!» Не раз, видимо, офицерье королевской румынской армии обеспечивало себя конским составом из цыганского табора.

Уже издали Стоян рассмотрел, что мы не офицеры. Красные звездочки, добродушный разговор с семьей заставили его вернуться. Когда Стоян подошел к нам, мы ему подали руки. Но мы не думали, что именно этот жест будет понят им так, как привыкли его понимать десятками лет угнетенные цыгане. Он набросился на наши руки и пытался их целовать. Мы не допустили этого раболепия, хотя Якуб Стоян и пытался доказать, что это был бы третий случай в его жизни, когда господин позволяет поцеловать руку.

— Мы сами не господа, и вас теперь навеки освободили от всяких господ, помещиков и бояр!

С этого и началась краткая политическая беседа, которую провел в цыганском таборе батальонный комиссар Солодов.

Раздать беднякам помещичью землю, дать безработным работу, сиротам хлеба — все это вызвало в толпе гул одобрения и град вопросов. Семидесятилетняя мать Якуба, Нагия, заявила:

— Мы прекратим бродяжную, мучительную жизнь, мы не боимся работы, дайте только земли или работу.

Первый муж Нагии был убит на войне 1914 года, второй — забит до смерти жандармами. Из шестнадцати рожденных детей живых осталось только пять, остальные умерли от разных детских болезней в возрасте до десяти лет.

С Нагией и Якубом обошли мы все кибитки и шатры табора. Здесь все работали. Клеветнические измышления о том, что таборные цыгане способны только на воровство, разбиваются впрах. Вот разложено на земле кузнечное горно с мехами. Безродный восьмидесятилетний дед Кодрян — главный кузнец. Он искусно ремонтирует цапы (мотыги), молотки, топоры, которые несут сюда крестьяне ближайшей деревни. Деду Кодряну помогают молодой парень Чеботарь и одна из дочек Якуба.

Женщины-цыганки пробавляются в тех же деревнях гаданьем. У них нет иного выхода. Правительство Румынии несмотря на полное презрение к цыганскому племени не погнушалось забрать у них всех мужей в солдаты. Женщины остались, обремененные кучами ребят, голодных, больных, умирающих...

Когда мы попросили Якуба сказать, сколько в таборе людей, он затруднился.

— А может быть, за ночь сколько-нибудь умерло, — говорит он.

Но, видимо, у Якуба вообще с учетом людей дело неладно. Он всех созвал в кучу и стал считать пальцем, как кур.

— А этого класть? — обращается он к нам, показывая на грудного ребенка.

— А как же, обязательно... Он тоже гражданин!

Якуб, видимо, немало удивился нашему разъяснению, но спорить не стал. Безнадежным жестом он ткнул пальцем в сторону маленького, посчитав его тоже за человека.

Со счетом так ничего и не вышло. Всякий раз Якуб сбивался, и общая цифра выходила то сорок, то пятьдесят. Более опытного счетовода в таборе не было: во всем таборе нет ни одного грамотного человека.

Перед самым нашим отъездом Якуб удивил нас одним вопросом:

— А кому теперь платить бакшиш — взятку за постой?

До сих пор без взятки в несколько сот лей ни один шеф (жандарм) или примарь (староста) не разрешал цыганам остановиться в районе своего села. На вопрос Якуба мы с удовольствием ответили, что бакшиша больше никогда не будет.

Отпускать из табора нас цыгане не хотели. Когда мы направились к машине, цыганки нам преградили путь. Они требовали наши руки, чтобы погадать, громко предупреждая: «Без лей», «Без лей», то есть без денег. Старуха Нагия просила за всех: «Обязательно погадайте, это будет наше вам спасибо».

В руках комиссара Солодова и других командиров причитаниями цыганок немедленно было обнаружено сплошное счастье.

— Это счастье принадлежит не только нам, — обратился напоследок к табору комиссар, — этими руками вместе с Рабоче-Крестьянской Красной Армией мы принесли счастье и вам, нашим угнетенным братьям.

Александр Жаров

БЕССАРАБИЯ

«Сия пустынная страна
Священна для души поэта:
Она Державиным воспета
И славой русскою полна».

А. С. ПУШКИН

Как на правый на берег Днестра
Собирался боец молодой.
Там в неволе томилась сестра
И грустила, склонясь над водой,

Ожидала, махала рукой,
Краснозвездного брата звала...
Услыхали мольбу за рекой,
У колхозной криницы села.

Передали в столицу слова
Долетевшей до сердца мольбы.
Повернула столица Москва
Колесо бессарабской судьбы.

Там, где бедной деревни конец,
Где густой начинается лес,
Опустился советский боец
На молдавскую землю с небес.

Опустился, свернул парашют
И увидел с опушки лесной,
Что крестьяне с цветами идут
И кричат ему: «Здравствуй, родной!»

Нежно встретила брата сестра,
Распахнула приветливо дверь.
У советской реки у Днестра
Берега неразлучны теперь.

А. Ромм

НАВЕКИ!

К западу идет с востока солнце:
Бей лучами! Жаром тьму круши!

Добрый день, литвины и эстонцы,
Бессарабцы, братья латыши!

Не навеки вас мы покидали
С глазу на глаз с вековым врагом:
Уходя, мы руку поднимали,
Обещали: мы еще придем!

И пришли!
И вы живете снова.
Долго ждали вы, но вышел срок:
Мы давали ленинское слово,
Сталинского подвига залог.

К вам бегут, играя, наши реки;
Мы роднились кровью и трудом,
Так добро пожаловать навеки
В наш родимый — ваш родимый дом!

Тень ночная сходит в котловину —
Выше, солнце! Жаром тьму глуши!

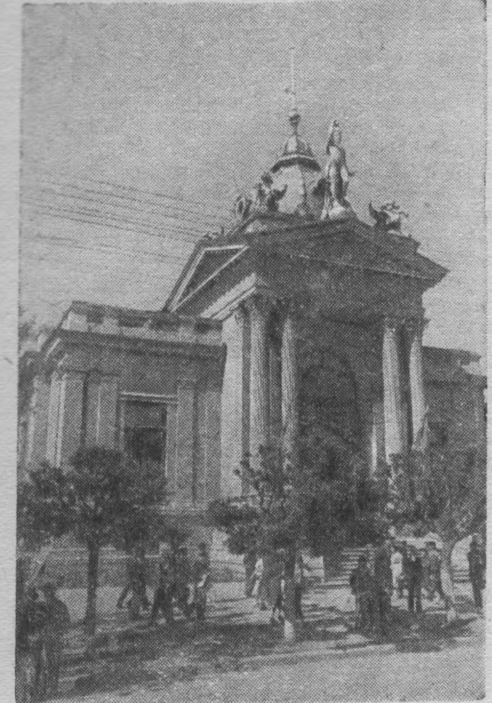
Добрый день, товарищи литвины,
Бессарабцы, эсты, латыши!

КИШИНЕВ СОВЕТСКИЙ

Фото Я. Халипа

Освобожденный доблестной Красной Армией Кишинев сбросил с себя следы пребывания румынских оккупантов.

В городе открылись советские магазины, всюду вывески на русском и молдавском языках. Старая столица Бессарабии по-юношески оживлена с утра до позднего вечера.

Памятник А. С. Пушкину в городском саду

Анна Караваева

Слезы

Рис. худ. Ю. Цишевского

Белый пушистый козленок, пугаясь ветра и поземки, побежал к дому. С жалобным блеянием, топоча копытцами, он вскочил в сени и начал тереться мордочкой о дверь.

— Ах ты, бяшечка, разумник мой! — высокая женщина в коротком тулупчике, войдя с улицы с гостьей, взяла козленка на руки и, нежно прижав к себе, внесла в избу.

Душисто пахло хлебом. От широкой пристенной печи веяло стойким домовитым теплом. На столе покрытый белоснежной холщевинкой по-хозяйски отдыхал хлеб. Несколько круглобоких, ровных, как близнецы, караваев, мягко желтея бархатистой мучной осыпью, виднелось из-под покрова, как сытые дети в теплой постели. Стол, лавки, самодельной работы шкапчик на стене, некрашеный пол — все блестело добротной, придирчивой чистотой, все было яркобело, как поземка за окном.

Козленок прижался к печи и смотрел на хозяйку. А она рассказывала гостье обстоятельно и неспеша:

— Вот теперь только и забавы осталось нам со стариком, что козлушка: все жили, на сынов глядели, а теперь сыны далеко. Четверо их у нас, все погодки. Четыре года подряд отдаем сынов в Красную Армию. Старший сын наш Андрей на Дальнем Востоке, границы наши блюдет, уже командиром заделался. Бился он на Хасане — и вижу, что колхозной нашей чести не уронил: в Москве, в самом Кремле, Михаил Иванович Калинин ему орден Ленина из рук в руки передал. Для такого важного случая вызвал меня Андрей в Москву. Спала я в вагоне, на мягком диване, ехала, скажу тебе, как в раю. Приехала, обняла сынка, на орден полюбовалась, оставила сынку свое материнское благословение и покатила восвояси: у меня дома корова должна была первым телиться, а старик — не мастак на эти дела.

— А второй ваш сын?

— Второй сын Петя тоже границу сторожит, находится под городом Минском. И ему военная служба сильно приглянулась, и решил он военным остаться до скончания веку. Может, читали: недавно было о нем в газетах пропечатано: стоял он в секрете и словил лютого врага, что на землю нашу пробирался.

— А третий сын?

— Третий сын Николушка в теплых южных краях — в городе Ереване проживает. Хвалит тамошнюю погоду: у нас-де под Рязанью еще морозы трещат, а там уже теплынь благословенная, плодовые деревца уже цвет набирают, а люди за огороды да за пашню принялись. Народ, слышь, хоть и не по-русски разговаривает, а душа в нем такая же, колхозная и правило жизни такое же, что и у нас. Что говорить, повидали свету мои сыны и еще много увидят.

— А четвертый сын?

— Четвертого сына Васеньку проводили мы в Красную Армию ныне осенью.

Пожилая женщина вдруг что-то вспомнила — и бледноголубые глаза ее заулыбались, тонкие, как волоски, морщинки разбежались по увядшим щекам:

— Перед проводинами какая притча вышла... Скажу тебе, рос у нас Васенька слабеньким, словно былиночка. И мы с отцом и братья жалели его, тяжелой работой не утруждали. Рос он, выравнивался уже в богатое, в справедливое время, когда сам народ на земле хозяевать начал, — и всей семьей решили мы пустить Васю по ученой части. Да и сам он нас всех на такие мысли наводил: едва в школу поступил, как сразу себя разумным показал! А как грамоту осилил, таким читальщиком заделался, таким любителем до книжек, что не оторвешь его никак от наук разных! Ему еще и четырнадцати не было, а уж газеты как читал: громко да смышленно — и, что желаешь, разъяснит, и на размышленье тебя поставит: вот-де так и так оно правильно-то выходит! Читал он, что песни пел, соседи к нам как в клуб какой ходили. Мы с отцом Васенькой гордились, и красовался он так перед нами все годы, как школу проходил. Учительница Лариса Сергеевна все нам говорила: какой-де у вас сынок растет образованный да талантливый!.. К восемнадцати годам наш Васенька окреп, порумянел, и ус на губе зачернелся. Иногда начнем мы с отцом на младшего сына любоваться втихомолку: ежели по старым приметам судить, Васенька наш не на крестьянского сына, а на благородное дите походил!.. Высокий, пряменький, волос волнистый, личико белое, глазки нежные, открытые, голосок чистый, как ручей. Приезжали братья на побывку и тоже на Васеньку любовались и тут же думали-гадали: идти ему учиться на инженера... Да-а... вот из-за Васеньки и вышла у нас интересная, скажу тебе, притча... Знали мои сыны, что с Васенькой будет мне расставаться горше чем со всеми, и ведь что придумали, лобастые!.. Вдруг получаю я письмо за письмом: с Дальнего Востока, из города Еревана, из-под Минска-города. Читаем мы со стариком и видим, что все письма об одном писаны: увещевают меня сыны насчет Васи. Провожай-де, мать, Васю без тоски, до слез себя не смей доводить: народу родному, отцу нашему товарищу Сталину детей своих перепоручаешь. Гордись-де, мать, что четвертого сына для родины подняла. Читаю я сыновные письма — и все легче мне становится, а потом и совсем легкота пришла. Думаю: «Птицы из гнезда вылетают, о себе вестки не оставляют, а мои сыны через тыщи верст обнять да ободрить могут!..» В последний, остатошный вечер стал было Васенька о нас с отцом тревожиться, но я взяла свое материнское слово: «Ты, Васенька, о нас не беспокойся! Думай ты, сынок, только о новой своей красноармейской жизни, старайся, твердо помни все, чему тебя учить будут, чтобы довольна была тобой советская власть... А у нас с отцом всего есть вдоволь: хлеба, мясца, овощей... да и братья твои нас помощью не забывают. И одежи нам хватит...» Вот и сейчас похвастаюсь, какая шерсть у нас...

Женщина вытащила из-за перегородки две большие корзины, набитые черной и белой шерстью:

— Овечки у меня обиходные, сытые... и шерстка, гляди, какая пушистая да мягкая! Валенок всем накатаем, платков, варежек навяжем: знай, мать, спицами шевели... Так вот, значит, пришел день Васеньке в Красную Армию отъезжать. Пришли его товарищи, гармонь заиграла... и залётка пришла, которой он слово дал, — не без того, люди молодые. Мы, мать с отцом, с сынком дома простились, а на тракт провожать не пошли: чего им, молодым, мешать, у них своя беседа! А Васенька на широкую дороженьку повернул, картуз этак браво надел и зашагал себе, мой голубчик!.. Он письмо из Москвы уже послал. Прожили они там восемь дней, всяких чудес навидались, одежу казенную получили... Сапоги, пишет Васенька, уж больно хороши, в таких бы только на свадьбе гулять. Водили их в кино да в театры, а там и пели, и плясали, и разные завлекательные слова говорили. Обсказал обо всем этом Васенька в письме, да разве упомнишь: головушке моей несвычно такие тонкости в уме держать. Возможно, пишет Васенька, отбуду я, маманя, в северную сторону... и будем мы, маманя, со всех четырех концов защищать себя!.. От, те-те... заболталась я, а скоту надо корму задать!..

Женщина и гостья вышли на улицу.

Поземка уже улеглась. Потухающее солнце бросало на забеленную снегом землю низкие рыжеватые отсветы.

— Здорово, кумушка! — и мать четырех сыновей кивнула встречной женщине, закутанной до глаз. — Как живешь-можешь?

Встречная что-то проворчала и прошла мимо.

— Ишь ты, все еще сердится! — добродушно заметила мать.

— За что же она сердится?

— А за то, что я ее слезой попрекнула.

— Слезой?

— Ну да, очень просто, какие у нас слезы бывают: ох ты, мой рожоный, на кого ты меня спокидаешь, да что тебя, светик мой, на чужой сторонушке ожидает, да кто тебя там встретит да приветит... и пошло и поехало!.. По-нашенски, по-старинному, это называется вытье по живому, как по мертвому... Помню: стояла в сенях и глядела Васеньке вслед. А у ней, у кумы Прасковьи, тоже проводины. Идет она рядом с сыном своим и воет, рекой разливается, свое же дитя криком терзает. Увидела меня и подивилась: «А ты что не воешь?» «Да зачем же, — говорю, — я выть-то буду?..» «Эх, — говорит, — хороша же мать: не кого-нибудь, а сына милого, молодшего, провожаешь!.. Можно ль тут без вытья?..» «Обойдемся, — отвечаю, — без вытья. Было время, соседушка, когда хочешь — не хочешь, а плакали мы горькими, как полынь, слезами... Вспомнить одно, как мужей на русско-японскую войну провожали. Те слезы были дорогие, те слезы сердце в клочья рвали, что кровь лилась, одна слеза катилась, другая назад воротилась... От той беспросветной темени у нас головушка кружилась, ноженьки подкашивались... народ тыщами на убой везли, цена ему была ниже скотской... Вот что те слезы означали, соседушка!.. А ныне я знаю, что наши сыны жизнь богато увидят, — так чего же мне дешевы слезы лить?.. Твои слезы, кума, дешовые!..» А соседка все надрывается, ей уж уступить не хочется. «Ну и мать бесчувственна, ну и мать!..» — только и повторяет. «А чем, — спрашиваю, — я плоха? Горжусь, что мои четыре сына — не уроды какие, а все сгодились, все разумные, здоровые, работящие». Сын ее слушал-послушал, да и решил: «А ведь правда, так оно и есть, правда!»

Она молчит несколько минут и потом повторяет с горделивой усмешкой:

— Конешно, правда. Вот и сердится соседушка, что у меня эта правда.

К. Григорьев

СЛАВА РУССКОГО ОРУЖИЯ

170-летие кагульской битвы и взятия Бендер

В 1769 году Турция объявила войну России. Поводом послужило пограничное столкновение у селения Балты. Военные же действия начались еще раньше, в 1768 году.

Русские силы, действовавшие против турок, были разделены на три армии. Первая из них должна была двинуться на Хотин и Бендеры; вторая была расположена у Полтавы и Бахмута для отражения крымских татар. Третья — около Дубно — назначалась для содействия первой.

По выработанному плану, вторая армия должна была осадить лежащую на правом берегу Днестра сильную турецкую крепость Бендеры, а первая — двинуться в глубь Бессарабии, чтобы помешать туркам оказать помощь осажденным.

При Рябой Могиле, Ларге и Кагуле в 1770 году русские войска нанесли туркам поражение. Крепости Измаил и Килия сдались, в ноябре пал Браилов.

В конце июля 1770 года произошла встреча главных сил обеих сторон. Турки и татары стояли в укрепленном лагере, на левом берегу реки Кагул, вблизи ее впадения в Прут. Против 150 тысяч турок и 80 тысяч татар здесь наступала тридцатитысячная русская армия под командованием Румянцева.

Атака началась в 4 часа утра 1 августа.

Рассеяв картечным огнем неприятельскую конницу и отразив яростную вылазку янычар, русские войска пошли на штурм турецкого лагеря. Турки не выдержали удара и бежали (одним из первых покинул лагерь визирь, командовавший армией), оставив на поле боя 20 тысяч убитых и раненых. Потери русских войск — 900 убитых и раненых.

Сдача турками крепости Бендеры генерал-фельдмаршалу князю Потемкину Таврическому 4 (15) ноября 1789 года.
Со старинной гравюры

Сражение при Кагуле 21 июля 1770 года.
Со старинной гравюры

Одновременно с кагульским боем турки потерпели разгром на море. Их флот, стоявший у крепости Чесмы, был сожжен.

В конце мая 1770 года русские войска под командованием Панина переправились через Днестр у Егорлыка и подступили к Бендерам. В то время Бендеры были очень сильной крепостью, вооруженной 400 орудиями. Гарнизон состоял из 15—20 тысяч человек.

Выставив довольно многочисленный заслон против турок и татар, находившихся в Очакове, Панин начал осаду Бендер, имея лишь около 20 тысяч человек.

Турки непрерывно делали вылазки и мешали осадным работам.

26 сентября — 170 лет назад — крепость была взята.

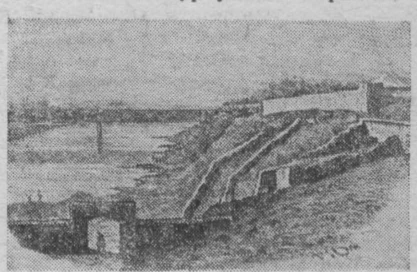
В городе было захвачено 448 орудий, много золотой и серебряной монеты, а также припасов и продовольствия.

Во время кагульской битвы и штурма бендерской крепости русские солдаты снова продемонстрировали свои высокие воинские качества.

После победы под Кагулом и взятия Бендер Бессарабия была прочно закреплена за русской армией и послужила ей базой для дальнейшего наступления.

По заключенному летом 1774 года миру в Кучук-Кайнарджи, Бендеры были возвращены туркам.

Пятнадцать лет спустя, во время второй русско-турецкой войны, к Бендерам подошли русские войска под командованием Потемкина и начали готовиться к штурму. 15 ноября 1789

Вид на развалины бендерской крепости со стороны Днестра.
Со старинного рисунка

года турки сдали крепость, но, по условиям ясского мира, Бендеры опять были возвращены Турции. После бухарестского мира, которым закончилась русско-турецкая война 1806—1812 годов, Бендеры окончательно были присоединены к России.

С 1812 года и до конца прошлого века Бендеры считались крепостью первого класса (крепостные форты несколько раз перестраивались согласно требованиям новейшим по тем временам военной техники).

С постройкой на югозападе России ряда железнодорожных линий вырос и расположенный в двух километрах от крепости город Бендеры: в 1914 году в нем насчитывалось уже до 40 тысяч жителей.

Осенью 1918 года Бендеры вместе со всей Бессарабией попали под иго румынских бояр и лишь в конце июня этого года были освобождены, на этот раз навеки, нашей доблестной Красной Армией.

В советском городе Бендеры в первые дни после вступления Красной Армии. *Фото Б. Рыжака*

Всеволод Иванов

ПАРХОМЕНКО

(Эпизоды из литературного сценария)

Степь.

Высокий берег Дона. Вдоль берега широкая дорога. По дороге приближается длинный-длинный обоз. Скрипят ярма, медленно шагают волы; погонщики, заложив руки за спину, идут возле возов. Впереди обоза конвой: десятка три—четыре казаков и офицер, ротмистр Барнацкий.

На берегу яра сидит Пархоменко. Он в одежде казака. Через плечо котомка и пара сапог, связанных бичевкой. Подле него костыль. Пархоменко перевязывает ногу.

Поровнялся конвой. Пархоменко встал, опираясь на костыль.

— Сиди, сиди, служивый,— говорит Барнацкий.—Большевики ранили?

— Не, другие, вашеско.

Офицер проехал. Пархоменко обращается к конвою:

— Покурить нет ли, станичники?

Казак помоложе протягивает ему кисет. Пархоменко крутит папироску и посматривает на идущие мимо телеги. На телегах лежат огромные снаряды.

— Что же, на фронте не надоели вам эти штуки, что с собой опять привезли? Скучно без снарядов?.. А кого стрелять? Уток?

— Зачем уток? Рабочие забрали поезда, нагрузили мануфактурой да золотом и втекают в Расею. Мост, вишь, строят через Дон.

— А казакам, стало быть, не надо моста через Дон?

— Начальство приказало...—бормочет сбитый с толку казак.

— Начальство? Мне начальство приказало: брось бабу, берись за винтовку, она теплей. А я, как дурень, и поверь.

— А она холодней, — хохочет казак.

— Мануфактуру! Золото!—насмешливо говорит Пархоменко.—Очень им надо твое золото везти.

— А чего они везут?

— Свободу.

— Но, но, свободу! Ты агитацию свою брось!—свирепеет казак.—Давай кисет!

— На, бери. Не хочу я твой табак курить.

Молодой казак берет кисет. Пауза.

— Ну, ладно, кури. Сво-обода! Какой станицы-то?

— А Пугачевской.

— Да она теперь, кажись, Потемкинской прозывается?

— Переименовали.

— Кто-о?

— А кто ее строил, тот и переименовал.

— Путаная жизнь,—говорит, вздыхая, казак и принимает кисет; он отдает честь: —Счастливо оставаться, станичник.

— Честь имею!

Обоз прошел. Пархоменко, не спеша, опираясь на костыль, входит на холм и глядит вслед обозу. Затем он опускается на землю, посвистывая, натягивает сапоги, берет костыль подмышку, вскакивает и бежит к мостику, что через речку, а там и в кусты.

★

— Ламычев!

— Здеся, Александр Яковлевич,—отзывается Ламычев, отнимая от рта жестяной чайник и поправляя на голове лихо заломленную фуражку.

И сам Ламычев и ординарцы в богатой казачьей одежде. Ординарцы держат на поводу пятырех коней. К седлу одного приторочен пулемет.

— Семьдесят человек конвоя,— говорит Пархоменко.

— Многовато.

— А снарядов не меньше тысячи.

— Многовато.

— Если из тысячи сто попадет в наш мост...

— И десятком развалят, Александр Яковлевич.

— То-то я и говорю.

Пархоменко берет чайник у Ламычева, пьет. Ламычев задумчиво смотрит на него.

— Волы больно хороши, Терентий Саввич.

— Волы хороши,—сдержанно говорит Ламычев.

— Тебе бы сильно сгодились!

— Меня, Александр Яковлевич, не волов послали добывать.

— И точка!—сердито восклицает Пархоменко: дескать, о чем говорить.

— Меня командировал товарищ Ворошилов,—упорно твердит свое Ламычев,—помочь тебе пробраться через кадетский фронт в Царицын к товарищу Сталину.

Тем временем они вышли на берег. Обоз со снарядами давно скрылся, и пыль улеглась. Дело идет к вечеру. Из степи в камыши уже летят утки. Пархоменко мечтательно смотрит на затихшую реку:

— Интересно, слов нету, и в Царицын попасть, Терентий Саввич... Интересно и в Дон спихнуть снаряды, — он вдруг хватает за плечи Ламычева и поворачивает его лицом к реке.—Смотри, Терентий Саввич: брод.

Вдали, через разлившийся очень широко Дон, осторожно перебирается телега.

— Случается, и на Дону бывают броды.

— А если кадетов у того брода атаковать?

— Не могу я на атаку согласиться, Александр Яковлевич.

Пархоменко побежал к пулеметам, проверил ленты и затем, подавая Ламычеву записную книжку, сказал, озорно подмигивая:

— Пиши.

— Диктуй,—говорит Ламычев, поплевывая на карандаш и поглаживая бумагу: он очень любит писать приказы.

«Принято мною, командиром арьергарда...»

— Что это ты надумал?

— Пиши, пиши: «...командиром арьергарда 5-й армии...»

— Заслуженным командиром,—поправляет Ламычев.

— Верно! «Заслуженным командиром арьергарда 5-й украинской армии Т. С. Ламычевым от особоуполномоченного таковой армии Пархоменко двести пар волов и сто пар телег!..» Подпись. Нет, ты не протестуй, а пиши, раз взялся.

★

Полная луна освещает крутой яр, упирающийся в реку. Обоз на краю яра. Всадники, сопровождающие обоз, едут, невнятно разговаривая. Первый всадник кричит:

— Эй, кто там, сто-ой!

Пулеметная очередь. Беспорядочная стрельба. По яру вниз прыгают люди, катятся, падают в реку. Высокий человек выбегает на яр и стреляет.

Река. Плывет конь. Держась за гриву коня, плывет ротмистр Барнацкий. Казак подплывает к ротмистру и хрипит, протягивая руку:

— Ваше благородие... ранен... разрешите.

Ротмистр бьет наотмашь. Казак уходит под воду. Ротмистр плывет озираясь.

Глухие всплески воды. Один за другим падают с обрыва снаряды в воду. С яра над водой несется мощный бас Пархоменко:

— А ну, еще один, ребятки! Жалко бросать, да иначе волы не перейдут брода.

С яра катятся в воду тяжелые снаряды.

Круги по воде. Большая луна.

К броду спускается пустой обоз. Впереди Ламычев. Фуражка набекрень. Поводья опущены: он верит коню.

★

Ночь. Костер. Пастухи сидят кружком. На заднем плане бричка, и за ней темнеет и дышит стадо. Пожилой, благообразный чабан Семен Душевик говорит, шевеля палочкой огонь в костре:

— Их, хозяин! Раньше-то тройки мчались по этой дороге, божжь ты мой. Когда егеря ехали из Питера с приказами, так, не поверишь, божжь ты мой, со всех станиц выбегали на дорогу смотреть, как это царское посланье везут. А он мчится, божжь ты мой, от амператора прямо к тальянскому королю. А теперь одни пушки.

— Не твое дело,—говорит коммерсант Летков, садясь на разостланную бекешу и раскрывая поставец.

Из тьмы выходит пастух. Потирая ладонями лицо, он садится к костру.

— Чего там?—спрашивает Летков.

— Да так, почудилось, топочут. А собаки дремлют,—значит, ничего.

— Посматривайте, хлопцы. Рабочие с эшелонов по степи бродят.

— С эшелонов?—подхватывает чабан.—Ах, божжь ты мой, стоит триста эшелонов у Дона, и, может, счастье меня ждет, штаны атласные, рубахи шолковые. Заводы, сказывают, в эшелонах целые везут, Григорий Петрович. Ведь если такой завод выхватить у них да поставить, а?

— Поставить можно,—солидно говорит Летков.—Вот продам скот, надо и о заводе подумать. Должен быть у меня завод!

— А если не будет?—слышится из темноты басистый голос.

Летков вздрогнул, обернулся. Пастухи привстали.

В костюме казачьего офицера показывается верхом на высоком коне Пархоменко. Он слазит с коня. Ординарец берет повод.

— Дай-ка огонька, дед.

Душевик поспешно подносит ему головню. Пархоменко, раскуривая трубку, спрашивает:

— Чьи стада?

— Коммерсанта Леткова.

— Вот сволочь—этот Летков,—говорит Пархоменко, бросая головню в костер.

— А почему? С каких причин сволочь?—вскакивает и кричит Летков.

— А с таких, что тебя ждут, сволочь ты этакая,—еще спокойней говорит Пархоменко.—Приемщики приехали, а тебя нету. Тебе же чистым золотом обещано заплатить. А ты лежишь у костра, дрыхнешь.

— Хочу—лежу, хочу—нет.

— Лежишь на бекеше, висеть будешь на дубе. Твое дело—выбирать,—он оборачивается к ординарцу.—Запиши, Гайворон: «Коммерсант Летков не хочет для населения Москвы скот давать».

— Для какой Москвы?—недоуменно спрашивает Летков.

— А для той самой... Царицын нами занят, и надо скот везти в Москву.

— Давно Царицын заняли? — радостно спрашивает Летков.—Господи! А я тут сижу, чай пью! Господи!

Пархоменко выпустил клуб дыма прямо в лицо Леткову и сказал:

— А еще хочешь эшелоны ограбить да ограбленные заводы получить. Нет, дохлый ты, Летков, куда тебе эшелонами владеть. Промышленник, скотовод, ха-а!.. Летков, слушай!!

— Слушаю-с,—сказал Летков, не узнавая и сам своего голоса.—Какие будут приказания, ваше сиятельство?

— Стада повернешь на восток. Возле Побеленной балки встретишь отряд, спросишь есаула Ламычева. Скажешь: полковник Лавруша тебе сюда велел пригнать стадо.

— Полковник Лавруша?

— Полковник Лавруша. Такая уж у меня кличка...—он рассмеялся.—Аж от самого девятьсот пятого года. Ха-а! Там тебя приемщики и ветеринары встретят.

Он вспрыгнул на коня и медленно двинулся. Чабан шел за ним.

Пархоменко, чабан Душевик и ординарцы едут медленно вдоль стада.

— Хорошие стада. Непременно их надо в Москву доставить, — говорит Пархоменко.

— Какое дело, божжь ты мой! Из какой станицы будете?—спрашивает Душевик.

— Пугачевской, — говорит, посмеиваясь, Пархоменко.

— Да она теперь Потемкинской называется.

— Переименовали,—говорит, подражая голосу своего начальника, молодой безусый ординарец Вася Гайворон.

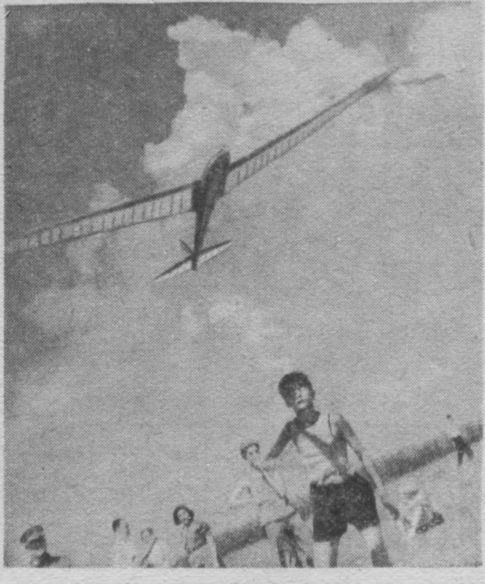
— Да кто переименовал?

— А наши, — говорит Гайворон.

Всадники ускакали. Чабан ошеломленно стоит посреди дороги и смотрит вслед всадникам, бормоча:

— Пугачевской станицы, божжь ты мой, владыко! Собой едет вроде генерала, а из Пугачевской станицы. Божжь ты мой, владыко, хоть ты разберись!

Слева—шар монгольфьер, наполненный теплым воздухом от костра, перед полетом. Справа — запуск модели планера с леера.

САМОЛЕТЫ БЕЗ ЛЕТЧИКОВ

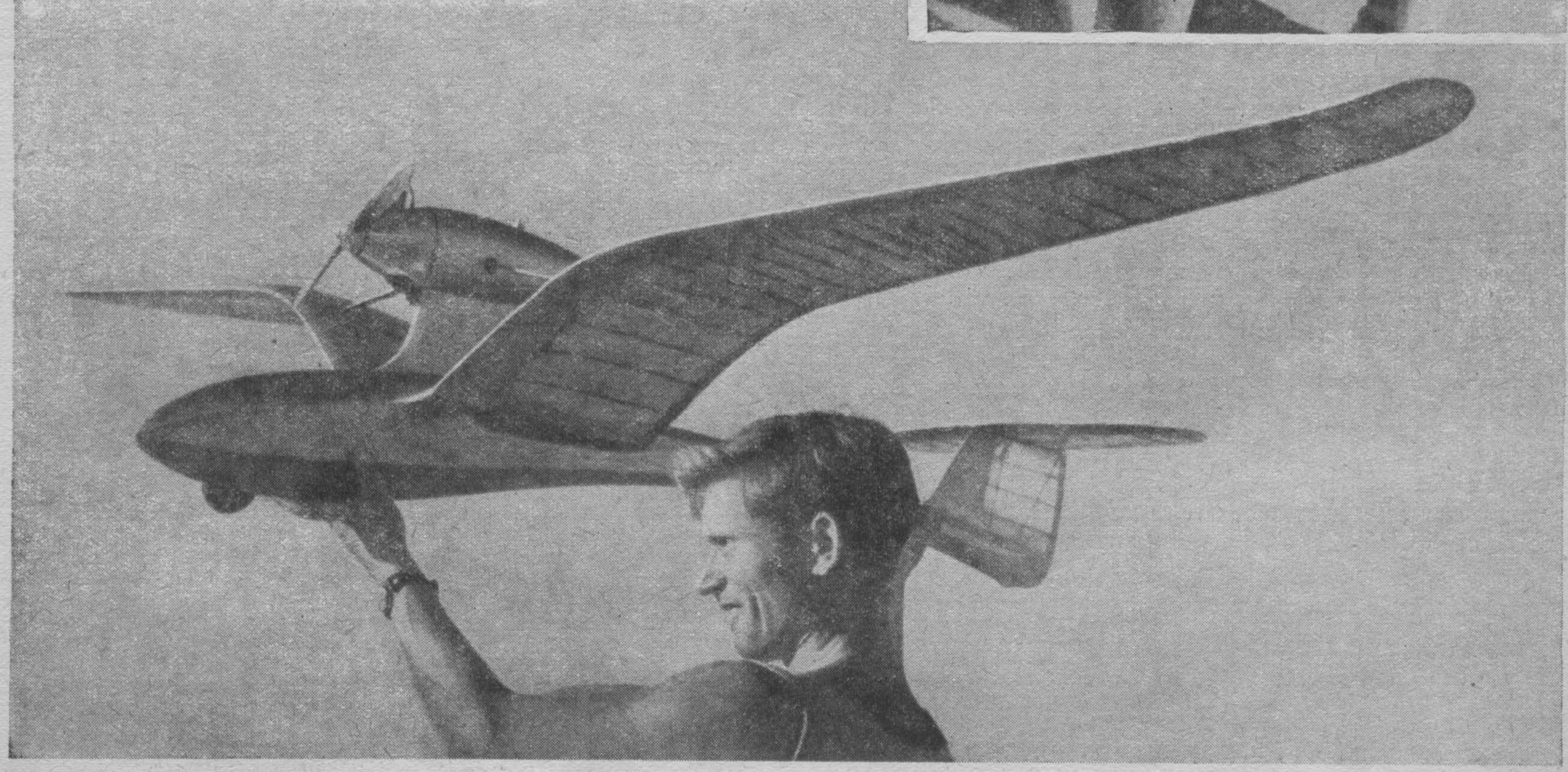
Фотоочерк Г. Гильгендорфа и В. Тюккеля.

У конструкторов авиационных летающих моделей много забот: в кабину настоящего, большого самолета сядет летчик и поведет машину, а тут никого не посадишь: модель сама должна проделать весь полет... И вот юные авиомоделисты изобретают остроумные механизмы, автоматы, которые в полете должны заменить разумную волю летчика.

Советские авиомоделисты добились больших успехов. Последняя модель М. Зюрина и его ученика Л. Воробьева обладает качествами, с которыми трудно конкурировать «взрослому» самолету. Для регистрации рекордов спортивные комиссары летают за моделями на самолетах «У-2». Но со скороподъемностью некоторых моделей может спорить только истребитель. А чтобы проследить продолжительность полета модели Зюрина, достигающую 10 часов, надо посылать бомбардировщик!

XIV всесоюзным соревнованиям авиомоделистов, состоявшимся в августе в Константиновке (Донбасс), предшествовали городские сборочные соревнования, происходившие во многих городах союзных республик.

В московских городских соревнованиях участвовало 160 юных авиомоделистов. Среди моделей планеров лучшие достижения показал планер Лизы Ермоловой (Детская техническая станция НКПС), продержавшийся в воздухе 1 час 20 минут и пролетевший 16 километров. Это новый московский рекорд. На фюзеляжном старте М. Зюрин и Л. Воробьев демонстрировали новую модель с двумя резиномоторами. Эта модель с автоматом, переключающим отработавший резиномотор на второй, установила международный рекорд дальности по своему классу — 1550 метров.

Справа вверху — инструктор Е. Ф. Попова и пионер Толя Гусаров со схематической моделью. Внизу — Михаил Зюрин с новой моделью мотопланера. Модель снабжена бензиновым моторчиком собственной конструкции, имеет запас горючего на 8 часов полета, может продержаться в воздухе до 10 часов.

Вл. Попов

СТРЕЛОК-РАДИСТ БАХВАЛОВ

На аэродроме ждали последнюю эскадрилью, улетевшую в дальний рейс. Все остальные самолеты уже давно вернулись и стояли на приколах вокруг широкого летного поля. Эскадрилья вернулась, но без одного самолета, которым командовал старший лейтенант Малинин.

...Через несколько минут об этом уже знал командующий фронтом. Чуть позже знали в Кремле. Назавтра об этом знала вся страна.

★

...Самолет старшего лейтенанта Малинина отстал от эскадрильи еще на взлете: по непонятным причинам начал сдавать левый мотор. Летчик уже подумывал повернуть обратно, как вдруг мотор перестал капризничать и машина ровно пошла вперед. Летчик дал полный газ, но расстояние между машиной и эскадрильей не сокращалось: эскадрилья тоже шла на максимальной скорости. Однако расстояние было не очень велико, и летчик решил, что он «погасит» его, срезав угол на развороте после бомбежки.

Стрелок-радист отставшего самолета Василий Бахвалов внимательно оглядывал горизонт. Он знал, что белофинские истребители любят подкарауливать отставшие, одинокие машины. Внизу уже проплывала вражья земля. Белые плевки зенитных снарядов возникали то здесь, то там. Иногда снаряды рвались так близко, что самолет вздрагивал от воздушного удара, а Василия Бахвалова прижимало к турели пулемета.

Лететь было еще далеко. Бахвалов глянул вперед и увидел, как последний самолет эскадрильи исчез в толстом слое облаков. Предстоял слепой полет. Вокруг уже начали появляться волокнистые клочья, и вот в неуловимое мгновенье самолет со всех сторон захлестнула густая молочная пелена.

Бахвалов включил приемник. В такие минуты очень приятно слышать спокойное попискивание сигналов, передающихся с флагманского самолета. Командир эскадрильи запрашивал старшего лейтенанта Малинина: «Как проходит полет?» Вскоре Бахвалов передал ответ: «Идем сзади по курсу...» Особенно длинными казались эти минуты слепого полета. Мощный облачный фронт тянулся на десятки километров.

Впереди на мгновенье посветлело. Через несколько секунд последние клочья облаков пронеслись мимо самолета и внизу открылась широкая панорама вражеской земли.

Где эскадрилья? Впереди ее не было видно. Бахвалов стал смотреть по бокам и увидел, что эскадрилья идет несколько ниже. Очевидно, командир решил снизиться, чтобы выйти из облачности.

В это время штурман самолета уже предупреждал старшего лейтенанта Малинина, что через пять минут полета цель.

В следующую секунду Бахвалов увидел внизу черные кусты взрывов: эскадрилья бомбила цель. Передние самолеты, отбомбив, уже разворачивались направо. Если взять курс им наперерез, то через несколько минут отставший самолет станет в плотный строй своей эскадрильи. Но летчик вел машину точно на цель.

Бахвалов напряженно смотрел вниз. Вот и цель — крупный железнодорожный узел. Черные двухстрочия — рельсовые пути, жирный пунктир по ним — составы поездов. Во многих местах цель закрыта клубами черного дыма от взрывов.

Самолет Малинина довершает работу эскадрильи. Бомбы сброшены прямо на цель.

Самолет делает крутой разворот вправо и ложится на обратный курс. Впереди опять многоярусная облачность. Через несколько минут эскадрилья войдет в облака. Вдруг Бахвалов видит, как впереди появляются три белофинских истребителя. Бахвалов немедленно сообщает об этом командиру. Сам он не спускает глаз с тройки белофинских стервятников. Готовясь к поединку, срывает маску, предохраняющую лицо от обмораживания: мешает... Припадает к пулемету.

Одинокий бомбардировщик идет на сближение с тремя вражескими истребителями.

Бахвалов отлично знает: успех решают десятые доли секунды. Огонь! Бахваловский пулемет посылает свинцовую струю по врагу. Головной истребитель неуклюже скользнул в сторону, потом перевернулся и камнем пошел к земле, оставляя за собой полосу черного дыма. Оставшиеся два истребителя немедленно отвалились в стороны и начали заходить бомбардировщику в хвост.

Быстрыми вспышками коротких очередей Бахвалов не давал врагам приблизиться к машине. Но вражеские истребители шли в хвосте бомбардировщика, поливая его огнем из восьми пулеметов. Пули дырявили самолет. Бахвалов почувствовал толчок и теплую струю крови, бегущую по ноге...

Рассматривать рану некогда! Бахвалов знает, как дорога сейчас каждая секунда, надо дотянуть до расположения своих войск. Самолет, очевидно, поврежден, он постепенно теряет высоту. Один из истребителей решил зайти вверх, в облачность, и оттуда атаковать бомбардировщик. Бахвалов не упустил этого момента и влепил в брюхо истребителю длинную очередь. Истребитель сразу замедлил взлет, на момент повис в воздухе и рухнул вниз.

С одним «разговаривать» легче... Бахвалов глянул вперед и вздрогнул: оба мотора самолета были объяты пламенем. Только сейчас Бахвалов заметил, что командир подает ему сигнал прыгать. Бахвалов осмотрелся по сторонам — последний истребитель улетел. Вылез на борт кабины и скользнул вниз. Чтобы не оказаться мишенью для врагов, решил сразу парашюта не раскрывать, сделать затяжку.

Земля приближалась со страшной быстротой. Когда до земли оставалось не более 200 метров, Бахвалов дернул за кольцо. Купол раскрылся, но сейчас же Бахвалов услышал свист вверху. Он глянул вверх и все понял: парашют в нескольких местах был продырявлен пулями и теперь под напором воздуха рвался.

Еще секунда. Удар о дерево. Бахвалов потерял сознание...

Очнувшись, Бахвалов почувствовал боль в коченеющей ноге. Начал обдумывать, что делать. Справа слышались непрерывные раскаты артиллерийской стрельбы. Бахвалов решил: наша артиллерия, пойду на звук...

Он не пошел, а пополз. Шесть часов пробирался по снегу, волоча застывшую ногу, согревая дыханием окоченевшие руки...

Впереди костры. Кто там греется? Свои? А может?.. Бахвалов вынул револьвер: «Не беспокойтесь, господа, живым не возьмете!»

Прислушался — около костров говорили по-русски. Бахвалов подполз еще ближе. Наши! Свои, родные красноармейцы сидели на корточках перед костром.

Бахвалов крикнул:

— Товарищи!

...и снова потерял сознание.

Очнулся Бахвалов в землянке командира. Здесь уже был и командир самолета. Увидев, что Бахвалов пришел в сознание, он склонился над ним и тихо сказал:

— Спасибо, дорогой...

...Потом, в ожидании автомобиля, Бахвалов ел горячие блины, приготовленные искусным поваром-артиллеристом.

★

Командир и комиссар соединения работали над картой военных действий, когда в комнату вбежал дежурный:

— Товарищ командир, разрешите обратиться! Только что сообщили из штаба армии, что малининский экипаж вернулся.

...Родина оценила героический подвиг своего верного сына. Правительство присвоило Бахвалову звание Героя Советского Союза.

БУКОВИНСКИЕ ПЕСНИ

Мы печатаем две народные песни, записанные в селах Буковины. Первую запели впервые в 1927 году в селе Чункове. Это одна из многих песен о горькой солдатчине в румынской армии.

Вторая родилась в июльские дни 1940 года и записана в селе Сторожинцах, Черновицкого округа.

1. ДУМАЛА ТЫ, МАТУШКА...

Думала ты, матушка,
Что придет денек —
И заплачешь горько ты:
— Где же мой сынок?
И пришел денек лихой,
Слезы потекли.
Взяли сына твоего,
Взяли, увели.
На гулянке парубки
Пляшут до утра.
У меня ж, несчастного,
Горькая муштра.
Думала ты, матушка,
Я пойду косить —
Я иду ж в Румынию
Карабин носить.

В воскресенье утречком
Ты заплачешь, мать:
Ты сорочку чистую
Мне захочешь дать.
В полдень в воскресенье
Ты заплачешь, мать:
Выйдут в поле парубки
Без меня гулять.
Думала ты, матушка,
Я пойду пахать —
Офицерику мундир
Буду подавать.
Думала ты, матушка,
Что я буду петь,
А меня румын забрал,
Приготовил плеть.

2. ПЕСНЯ ПРО ТИМОШЕНКО

Ой, как много света стало
В маленьком оконце!
То над Прутом засияло
Сталинское солнце.
Кто принес нам это солнце
Летнею порою?
Принесли его нам хлопцы
С красною звездою.
Как увидели вдали мы
Взмыленные гривы,
Мы сказали: «Буковина,
Быть тебе счастливой!»
Заиграли в гривах ленты,
Травы зашумели...
Про наркома Тимошенко
Конники запели:
«Братьям счастье принесли мы,
Нас никто не сломит.

Нас прислал нарком любимый,
Сталинский питомец».
Пойте, хлопцы! Слушать любо
Эту песню вашу.
Слушать любо ваши трубы
И бряцанье шашек.
Ой, стучат, стучат копыта
На холмах зеленых...
Буковинцев вы возьмите
Под свои знамена!
Пусть и нас нарком научит
Воинскому делу,
Пусть и мы в рядах могучих
В бой пойдем смело.
Будем мы беречь кордоны
Каждую минуту,
Чтобы красные знамена
Реяли над Прутом.

Запись и перевод с украинского Ц. Солодаря

К. Шильдкрет

Первая мельница

Рис. худ. М. Гетманского

(Картинка из далекого прошлого)

1

В Москву с большим обозом бумаги приехал голландский купчина-бумажник Иван фон Сваден. Был он еще не стар, весьма расчетлив, в темные дела не ввязывался, любил «все творить честь по чести».

Поглядев на иноземное «рукомесло», царь Алексей Михайлович до того прельстился «умельством» бумажника, что предложил и в дальнейшем «доставлять на Москву отменный товар сей».

Но все дело испортил какой-то приказный, обойденный фон Сваденом в «поминках». Как это произошло, никто не знал, только при сдаче товара оказалось, что все нижние кипы бумаги пропитаны жиром и потому никуда не годятся.

Купчину обвинили в мошенничестве и, не выплатив ему ни гроша, отписали весь обоз на казну.

Дошло до того, что голландец остался, как говорится, «в чем мать родила».

Однако не из таких людей был фон Сваден, чтобы покориться судьбе и уехать на родину нищим. Да еще из какой страны вернуться домой с котомкой за плечами! Из Московии, той самой Московии, где, как утверждает весь мир, «лишь круглый дурак не становится крезом».

2

И фон Сваден, чуть оправившись от удара, принялся действовать. С приказными он больше связываться не хотел — духу их не переносил, — а пошел по другому, более надежному пути. Проведав хорошенько, кто из царевых ближних наиболее привержен к «европейским» новшествам, голландец всякими правдами и неправдами добился того, что его согласился лично принять любимец государя — Афанасий Лаврентьевич Ордын-Нащокин.

Встреча произошла во дворе, в минуту, когда Афанасий Лаврентьевич садился в колымагу, чтобы ехать в Кремль.

— Добрый и просвещенный мой господин, — пав на колени, взмолился купчина. — Окажите великую честь, примите этот лист бумаги моего собственного изделия.

Дворянина до того восхитило «басурманское рукомесло», что он отложил поездку и пригласил гостя в хоромы.

3

На другой день, едва кончилось сидение[1], Ордын-Нащокин принялся на все лады доказывать государю, как было бы хорошо разрешить «отменному мастеру своего дела», фон Сваδену, завести на Москве бумажную мельницу.

— Верь ты им, — подозрительно прищурился Алексей Михайлович. — Знаем мы их... Горазды они меды точить... А что касаемо Свадена, — сущий он вор есть и ничего боле...

— Не он вор, — возразил, низко кланяясь, ближний. — Ежели по всей чести, ваше царское величество, — так ворами оборачиваются не кто иные, как наши дьяки... Они и бумагу ту испоганили, мздоимцы бесчестные!

Государь не знал, как быть. Завести бумажную мельницу ему очень хотелось, и, не прослыви голландец мошенником, все разрешилось бы тут же, на месте, без споров. «Обман бы еще, бог с ним, — рассуждал про себя Алексей Михайлович. — Невелик убыток казне, ежели даже никакого толку из мельницы не получится. А вот стародумов усмешечки — те куда несносней! Уж как усладительно потирают они руки, когда не удаются мне затеи немецкие... Что, мол, хе-хе... намудрили. От дедов-отцов отреклись, чтоб басурманской скверны набраться. То-то же! Знай сверчок свой шесток...»

— Нет! — стукнул вдруг царь кулаком по столу. — Обойдемся покудова и без мельницы.

Поутру, наученный Афанасием Лаврентьевичем, постельничий Ртищев, едва поздоровавшись, подал государю лист белоснежной и гладкой как слоновая кость бумаги:

— Эко умельство, мой государь! Сущее чудо! Очам даже больно... Вот так фон Сваден!

Вскоре с таким же листом бумаги явился большой боярин, Борис Иванович Морозов.

Расправив степенно серебристую бороду, он трижды перекрестился на образа и, чмокнув цареву руку, как бы в крайнем недоумении произнес:

— Сколько не вникаю в суть дела сего, а уразуметь не могу... Воистину чудны дела твои, господи... И еще благодарение приношу отцу-вседержителю, указавшему Свадену путь из Саардамы на Москву к преславному царю моему... Одно слово, бог указует нам ставить бумажную мельницу.

И Алексей Михайлович в конце концов сдался:

— Э, да была не была! От вас не отвяжешься... Велю мельницу ставить!

Узнав от Афанасия Лаврентьевича, что приказные «чинят рогатки новшествам и вельми забижают фон Свадена», царь приказал всенародно высечь одного из дьяков и поручил голландца заботам дворянина Артамона Сергеевича Матвеева.

И вот привезли на стройку бумажной мельницы «300 древ лесу», а из острога в помощь работным пригнали десяток колодников.

Через три месяца государю доложили, что «божьим соизволением и стараньями Матвеева первая на Руси бумажная мельница отстроена и уже действует».

4

Раннее утро. Грузно переваливаясь и пыхтя, Алексей Михайлович спускается с кремлевских ступенек. Морозов и Ордын-Нащокин подхватывают его благоговейно за локти и почти несут к карете.

— С богом, по городу! — улыбчато роняет царь и осеняет себя широким крестом.

Тупик. Болото. Кривой и тесный, как притвор в храме Василия Блаженного, переулочек. За огородом ржаное поле, луг. По ту сторону брюхатых хором боярских дымится гнилое озеро. Трухлявые доски мостков по обочинам грязных улиц. Куда ни кинешь взор, деревни, посады, болота, овраги, кучи навозные... И лес. Густой, темный лес.

У самого вала на Девичьем поле купаются в помоях свиньи. Вон в стороне Хамовная — из приписанных казенных ткачей — слобода... И снова поле, широкое, медвяно пахнущее рожью и васильками... А за полем сызнова вкривь и вкось, восьмеркой, глаголем извиваются, словно бы в корчах, улицы, тупики, переулки.

Москва!

Государь хмурится: «Эка нескладица... То ли бывалые люди рассказывают про иноземные стольные города...»

Прогромыхивают колеса; точно ладью по морю, бросает карету из стороны в сторону — седоки вот-вот вывалятся в непролазную грязь...

Чернеет овраг. Лесок показался. Лужайка. Еще лесок, болото. И Лужники. А за ними, поперек Земляного вала, раскинулись во все концы великие дороги российские: на Смоленск, Волоколамск, Тверь, Дмитров, Ярославль, древний Владимир, Рязань, Серпухов и Калугу. Далеко идут торговые проторенные пути. Только одного не видать — к заповедному Варяжскому морю[2].

Еще пуще мрачнеет жирное царево лицо. Круто сдвинуты брови. На щеке чаще бьется синяя жилка.

— Уж мы бы, — хрипит он, беря за руку Бориса Ивановича, — уж таково бы мы грудью полной вздохнули, ежели б... Ох, да ежели б сподобиться упереться хоть одною ногой в свейский берег морской!

Морозов сразу оживляется и с любовью глядит на Алексея Михайловича:

— Зубами вгрызется, кровью изойдем, а моря добудем, преславный!

---

[1] Заседание.

[2] Балтийское море.

Снова молчание. Каждый думает свою думу. Где-то кукует кукушка. Шумит лес вдалеке. Чавкает грязь под копытами лошадей. Томительно медленно плывет над землею и ноет звон колокольный.

— Должно, отпевают кого... — вслух соображает Морозов и крестится.

Алексей Михайлович кричит неожиданно и нетерпеливо:

— На мельницу! Мочи нет больше любоваться столицей моей!

5

В углу обсаженного высоким забором двора, в обширном сарае, были навалены кучи отвратительно пахнувшего тряпья. Подле копошились «тряпишники», разбиравшие тряпье по сортам. От нестерпимого запаха тленья работные задыхались. Лица их взбухли и посинели, глаза выкатились на лоб. Сквозь давно потерявшие цвет остатки одежд проступали (их легко было счесть) обтянутые бурою кожею ребра. Тяжко и хрипло дышали груди.

При взгляде на этих выходцев из могил даже государь, видавший в застенках всякие виды, ужаснулся и выскочил вон из сарая.

— Осподи! — благодарно воздел он руки горé. — Благодарю тебя, что ты не создал меня смердом ничтожным.

Морозов наставительно, как делал это еще в бытность свою царевым воспитателем-дядькой, изрек:

— Блажен муж, безропотно несущий свой крест на земле. Претерпевым до конца — благо, яко обретут они вечные радости в царстве небесном.

— Царство небесное — оно так, — вздохнул Ртищев. — А геена огненная такая все ж невтерпеж никому.

— Как, как?! — сразу багровея, процедил сквозь зубы царь. — Уж не хочешь ли ты чином-званием с теми тряпичниками поменяться? То-то ж вот... смотри у меня!..

С этими словами Алексей Михайлович вошел на тонувшую в едком тумане поварню. Он долго вглядывался в котел, где кипятилось тряпье, но, как ни старался, ничего различить не мог.

От двери к котлу и обратно непрерывно двигались чем-то нагруженные малолетки. В густом ядовитом дыму они казались странными призраками.

— Ну, там! Не отставай! — то и дело раздавались окрики фон Свадена. — А ты еще падать вздумал, свинья! — и ударом ноги, не стесняясь присутствием царя, поднимал с земли бессловесных детей...

Алексей Михайлович заторопился покинуть пекло. Немного отдышавшись на дворе, он отправился в амбар, где работные толкли в ступах размягченное с помощью квасцов, очищенное и отбеленное тряпье.

При появлении государя люди побросали песты и пали ниц.

— Встаньте! — «милостиво» разрешил царь.

И тотчас же сорок четыре песта, утыканные в концах железными шипами, были опущены в густую клейкую жижу.

Шесть малолетков, согнувшись по-стариковски, черпали из бочек распаренное тряпье и выливали его в ступы.

Едва жижа поспевала, мастер издавал похожий на воронье карканье гортанный звук. Из соседнего амбарчика мгновенно выскакивали люди с черпаками и разливали жижу тонким слоем на листах — железных терках.

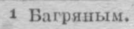
Государь с огромным любопытством, почти со страхом, наблюдал, как на его глазах «сущий прах бумагою делается».

— Ай да добро! — всплескивал он то и дело руками. — Ну и кудесник фон Сваден... Да ежели он обетование сдержит да наших русских сему делу научит, мы такие мельницы бумажные у себя заведем, что в иноземной бумаге и нужды не будем иметь!

Все внимательно осмотрев, Алексей Михайлович собрался домой. У самых ворот он вдруг приказал вознице остановить лошадей и повернулся к голландцу:

— За умельство твое, нам на потребу идущее, жалую тебя червленным[1] бархатом на кафтан.

Из амбаров доносились злобные окрики старших и падающие на согбенные спины работных глухие удары бичей...

[1] Багряным.

«Л-760» на старте.

ПОЛЕТ НА ВОЗДУШНОМ ГИГАНТЕ

С конца мая самолет «Л-760» совершает регулярные рейсы по маршруту Москва — Минеральные Воды. Первый пробный полет по этой трассе самолет совершил 18 мая. За три месяца эксплоатации «Л-760» перевез около тысячи пассажиров и свыше десяти тонн багажа и грузов.

Это самый большой в мире сухопутный самолет. 64 пассажирских места, 10 человек экипажа, 46 тонн полетного веса. В 28 бензобаках запас горючего позволяет совершить беспосадочный полет на три тысячи километров. «Потолок»—семь тысяч метров. Максимальная скорость, с которой перемещается этот воздушный гигант,— триста километров в час.

...По широкому трапу, устланному коврами, пассажиры поднимаются в просторный вестибюль. Здесь изящная буфетная стойка с закусками, сервированные столики. В кабинах дорогие ковры и драпировки, шолковые занавески, цветы, белоснежные накидки на мягких удобных креслах.

Три просторных салона, четыре спальных купе, салон «Люкс», три раздевалки, две туалетных комнаты, кухня — такова «жилая площадь» корабля.

Командир корабля Н. И. Новиков — известный летчик-«миллионер». Количества километров, налетанных им, хватило бы, чтобы опоясать земной шар более чем в двадцать пять раз.

...Воздух содрогнулся от гула шести моторов. Самолет, увеличивая разбег по земле, взмыл в воздух. Под правой, немного поднявшейся плоскостью как на ладони раскинулась Красная столица.

Москва позади. Седая дымка, которую не видно с земли, окутала горизонт. Моторы ревели теперь одинаково монотонно. Казалось, что корабль недвижно повис в воздухе. Легко подняв самолет, командир корабля включает автопилот и сидит спокойно у штурвала, поглядывая в окно. Мощный автопилот, вступив в борьбу со стихией, вел машину точно по заданному направлению, самостоятельно выполняя сложные исчисления курса и выдерживая высоту.

Ночь и непогода нестрашны гиганту. Новейшие приборы для слепого полета, мощные прожекторы для ночного полета гарантируют безопасность.

Сразу же после взлета к пассажирам приходят стюардессы принять заказы на кушанья и предложить книги, газеты, шашки, шахматы.

В то время, когда пассажиры развлекаются чтением и играми, команда корабля несет сложную и ответственную вахту.

Каждую минуту, в которую корабль проходил 3500 метров, нужно было видеть и вовремя прочесть негласный шифр множества сложных приборов.

Командир корабля, зорко всматриваясь вдаль, все время что-то передавал в микрофон. Не только со всей командой, находившейся в разных местах корабля, но и с землей в радиусе до 200 километров может он разговаривать по радиотелефону. Связь с землей во время полета поддерживается непрерывно.

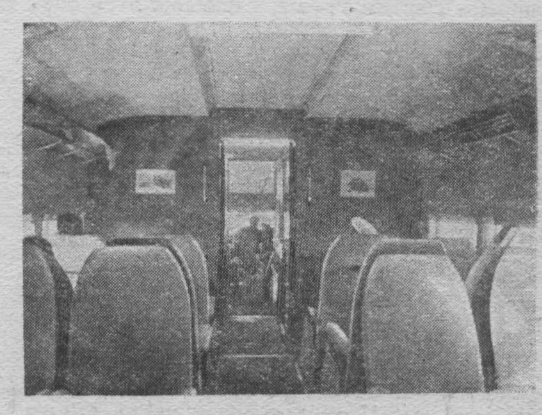
Оживление в салонах. Пассажиры прильнули к окнам: под нами Харьков.

Путь в 700 километров пройден за 3½ часа. Следующая остановка в Ростове.

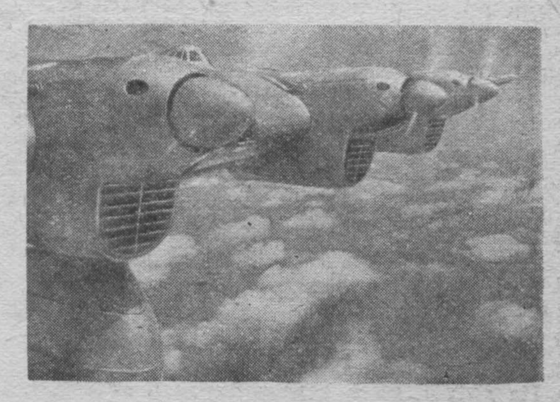
Чувствуется приближение Кавказа. Все теплее в салонах и каютах. Полет подходит к концу.

Командир выключает автопилот и берется за штурвал. Самолет идет на посадку. Минеральные Воды.

А. КРЮЧКОВ

В кабине самолета.

Над облаками.

А. Таланов

ТЕАТРАЛЬНЫЙ СЕЗОН В СТОЛИЦЕ

Народный артист СССР А. Остужев в роли философа Акосты («Уриэль Акоста» Гуцкова. Гос. ордена Ленина Академический Малый театр).

И летом кипит жизнь московских театров. Многие театры разъезжаются на гастроли, а некоторые, уступив свои зимние помещения театрам периферии, играют в парках культуры и садах. Работа не прерывается. Театры живут напряженно и полнокровно. И все-таки незримая, условная черта отделяет их от прошедших зимних месяцев. Уж так повелось со стародавних времен считать, что летом театральный год оканчивается. К творческому возрасту театров прибавляется новый год. Год достижений, неудач, исканий, тревог и надежд—переживаний, без которых не мыслимо никакое созидание, в особенности созидание произведений искусства.

Знаменательные события обозначили собой минувший театральный год. Отошла в область предания система «организованного обслуживания» зрителей. Зрители сделались полновластными судьями судьбы спектаклей. Опустели залы театров, рисковавших показывать малохудожественные пьесы и спектакли. Еще больших успехов добились театры, удовлетворявшие требовательному вкусу советского зрителя. Драматурги, режиссеры и актеры глубоко ощутили свою возросшую ответственность.

К. С. Станиславский говорил о людях театрального искусства: «Если они думают, что однажды и навсегда поняли путь своего театра, если они не движутся вперед в ритме текущей жизни и не меняются в своих внешних приспособлениях, держась за единое,—хотя и тоже вечно движущееся, но в то же время неизменное ядро жизни, то есть любовь к человеку,—они не могут создать театра—слугу своего отечества, театра значения векового, театра эпохи, участвующего в созидании всей жизни своей современности».

Относясь со всей придирчивостью и строгостью к итогам минувшего театрального года, следует признать, что наши театры имеют достижения. Они могли бы порадовать К. С. Станиславского, так взыскательно, глубоко и широко понимавшего задачи искусства.

Репертуар театров решительно изменяется. Отсеиваются пьесы случайные, приспособленческие. Зритель отметает пьесы, основанные на призрачной, мнимой «актуальности» темы. В репертуар теперь могут войти лишь пьесы, где нет обнаженного, выхолощенного отображения современной жизни, войдет все, что действительно воссоздается во внутреннем героическом напряжении, хотя бы и в форме будничного дня, «а на самом деле в четких светящихся образах со страстями облагороженными и живыми».

В Московском Художественном Академическом театре имени Горького в спектакле «Три сестры» А. П. Чехов засиял своей человеческой душевной поэзией. В МХАТ бьет ключом неувядаемая жизнь его пьесы. На сцене подлинный Чехов, тот Чехов, которого так любит и чтит советский зритель. Он ходит под руку с актерами, как будто впервые и вновь претворяющими в спектакль его чудесную пьесу. По-новому родились волнующие образы и по-новому ощущает советский зритель ушедшую жизнь чеховских героев.

Государственный ордена Ленина Академический Большой театр Союза ССР поставил несколько классических произведений великих русских композиторов: «Ивана Сусанина» М. И. Глинки, «Хованщину» М. П. Мусоргского и «Иоланту» П. И. Чайковского. Появление этих постановок—праздничное, интереснейшее событие сезона, которое свидетельствует о необычайном творческом расцвете театра.

Академический Малый театр завоевал огромный интерес спектаклем «Уриэль Акоста». Стремление к высоким, романтическим чувствам, к истинной театральности сказалось в этом спектакле. Артист А. Остужев, создавший трагический образ венецианского мавра Отелло, талантливо создал образ философа Акосты. Великой властью романтического искусства он покорил зрителей спектакля.

Характерное явление сезона—творческий рост молодых театров, создавшихся недавно и не успевших еще дожить хотя бы до самой скромной юбилейной даты.

Несмотря на свою театральную юность Театр имени ленинского комсомола уверенно и быстро вошел в семью передовых, лучших московских театров. Он зарекомендовал себя постановкой «Норы» Г. Ибсена, постановкой пьесы «Зыковы» великого пролетарского писателя А. М. Горького. Работы этого театра радуют своим зрелым мастерством, в котором «ансамблевость» сочетается с выразительностью отдельных исполнителей.

Сцена из последнего акта пьесы А. М. Горького «Зыковы» (Театр ленинского комсомола).

Очень молодой театр-студия имени Ермоловой показал отличный спектакль «Как вам это понравится?», овеянный подлинно шекспировским духом веселья и иронии.

Инициативно проявили себя и московские театры для детей. Они сплотили вокруг себя драматургов, написавших своеобразные произведения, пленяющие не только детского, но и взрослого зрителя. Пьесы «Первая любовь» Р. Фраермана, «Аленушка» Н. Шестакова, «Снежная королева» Е. Шварца не только прочно вошли в репертуар, но и оказывают несомненное влияние на дальнейший расцвет детской драматургии.

Много ярких впечатлений принесла с собой декада ленинградского искусства. Блистательно прошли спектакли театра оперы и балета имени Кирова. Артистка Г. Уланова в спектакле «Ромео и Джульетта», сохраняя лучшие традиции русского классического балета, внесла много нового. Ее проникновенное искусство гармонически сочетать мысль, чувство и пластичность танца с необычайной силой воплотилось в образе Джульетты.

Живой интерес вызвал у москвичей и балет «Лауренсия». Он подтвердил, что успех «Ромео и Джульетты» неслучаен. Ленинградские артисты балета и в «Лауренсии» отличились не только своей изумительной техникой танца, но и острой драматической выразительностью.

К сожалению, ленинградские драматические театры несколько разочаровали московских зрителей. Наиболее удачными оказались только «Тень» Е. Шварца и «Валенсианская вдова» Лопе де Вега. Оба эти спектакля, поставленные заслуженным деятелем искусств Н. Акимовым в Государственном театре комедии, режиссерски изобретательны и оформлены с выдумкой, характерной для руководителя этого театра.

Москвичи получили также возможность познакомиться и с искусством белорусского народа. Жизнерадостное, обаятельное своей поэтической простотой и молодостью белорусское искусство расцвело только после Великой Октябрьской революции. Однако оно уже успело достичь зрелости и мастерства. Пьеса «Партизаны» Крапивы и балет «Соловей» имели у москвичей заслуженный успех.

Н. В. Гоголь в письме одному из своих друзей говорил: «Театр ничуть не безделица и вовсе не пустая вещь, если принять в соображение то, что в нем может поместиться вдруг толпа из нескольких тысяч человек, и что вся эта толпа, ни в чем не сходная между собою, может вдруг потрястись одним потрясением, зарыдать одними слезами и засмеяться одним всеобщим смехом. Это такая кафедра, с которой можно много сказать миру добра...»

Идейная высота и принципиальность советского театра отличают его от всех театров мира. Он действительно является таким, каким мечтал видеть его Гоголь,—театром великих гуманистических идей.

Но достаточно ли одного этого? Всегда ли наш театр заставляет «потрястись одним потрясением, зарыдать одними слезами и засмеяться одним всеобщим смехом»? А магическая сила искусства именно так значительна и так велика! Ее воздействие на людей почти безгранично и всепроникающе.

К сожалению, не всегда и не все театры наши достигают полной силы воздействия. Элементы самоуспокоенности нашли свое отражение в репертуарах некоторых театров. Этому способствовало «организованное обслуживание» зрителей — распределение театральных билетов, постоянные пропуска и т. д. Перейдя на работу в новых условиях, театр увидел по кассовым сборам, что не все благополучно в его творческой жизни. Оказалось, что многие спектакли зрителю неинтересны, скучны. Пьесы вроде «Огней маяка», «Генконсула» уже не вправе представлять советскую драматургию. Театры почувствовали, что выросшего советского зрителя, как и самих актеров, уже не удовлетворяют подобные постановки. Еще существуют спектакли, где выпирает навязывание идей и действуют не живые люди, но манекены, измышленные драматургами за столом, без горячей любви к человеческим сердцам.
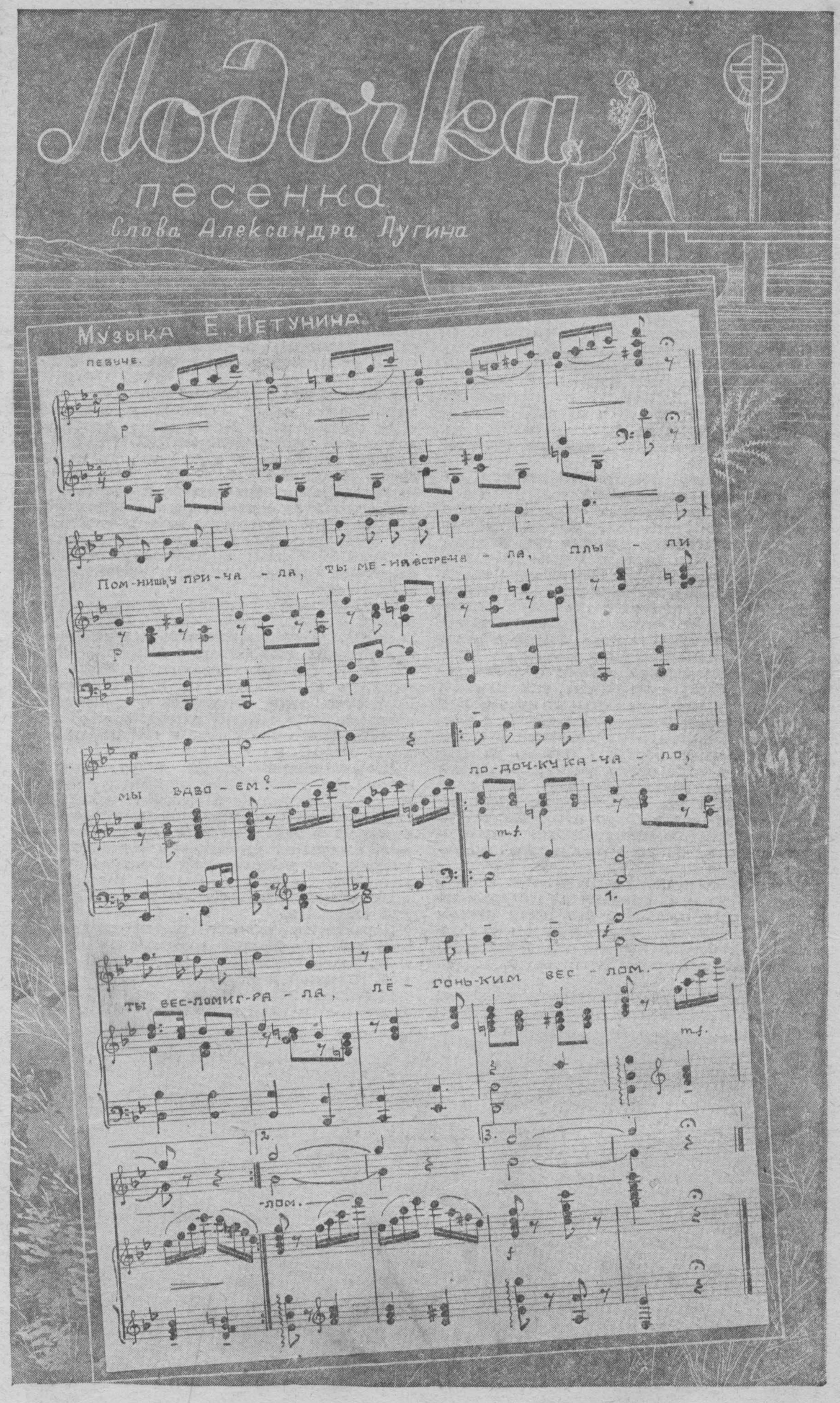
Наша драматургия еще отстает от требований советского театра и советского зрителя. Драматурги должны писать произведения, вдохновляющие зрителя на подвиг, вызывающие в нем патриотические чувства, любовь и гордость за свою родину, а не снабжать своих героев скучными, затасканными, стандартными фразами, которые не доходят до зрителя. Минувший театральный год доказывает, что это отставание сокращается. На сцене уже появляются пьесы не только занимательные внешне, но и сильные своей идейностью, эмоционально насыщенные.

Театры уже работают над новыми произведениями советских драматургов. МХАТ репетирует пьесу Н. Погодина «Кремлевские куранты», посвященную ленинскому плану электрификации страны. Малый театр ставит «Метель» Л. Леонова и покажет «Варвары» А. М. Горького, пьесу, не шедшую на московской сцене. «Строгие времена» С. Герасимова готовит Театр революции. «Обыкновенная история» — так называется пьеса поэта К. Симонова, которую покажет Театр имени ленинского комсомола.

Одновременно театры работают над современными пьесами западных драматургов. Театр имени Вахтангова покажет «Опасный поворот» Пристли, а Камерный театр—оригинальную по замыслу пьесу Карела Чапека «Средство Мокрополуса».

Детские театры также обогащают свой репертуар новыми пьесами. Центральный детский театр репетирует новый сценический вариант пьесы Р. Фраермана «Первая любовь». Московский театр для детей в постановке режиссеров О. Пыжовой и Б. Бибикова осуществляет спектакль «Двадцать лет спустя» поэта М. Светлова. Государственный Центральный театр юного зрителя покажет пьесу «Единая боевая» драматурга А. Бруштейн.

Конечно, перечисленными пьесами не исчерпывается огромный репертуар, который готовят московские театры. Зрителя ожидает радость увидеть также и произведения Островского, Гоголя, Шекспира, Лопе де Вега, Гольдони и других русских и западных классиков. Таким образом, зритель увидит на сцене многие замечательные произведения разных эпох и многих народов.

Помнишь, у причала
Ты меня встречала —
Плыли мы вдвоем.
Лодочку качало,
Ты веслом играла —
Легоньким веслом.

Лодочку качнуло,
Ты ко мне прильнула,
Уронив весло.

И теченьем долго
По реке, по Волге,
Лодочку несло.

Как меня встречала
Ночью у причала,—
Помнишь ли о том?
Мне былого мало,
Мне б начать сначала —
Плыть с тобой вдвоем!..

ЗДЕСЬ ОТДЫХАЮТ АРТИСТЫ

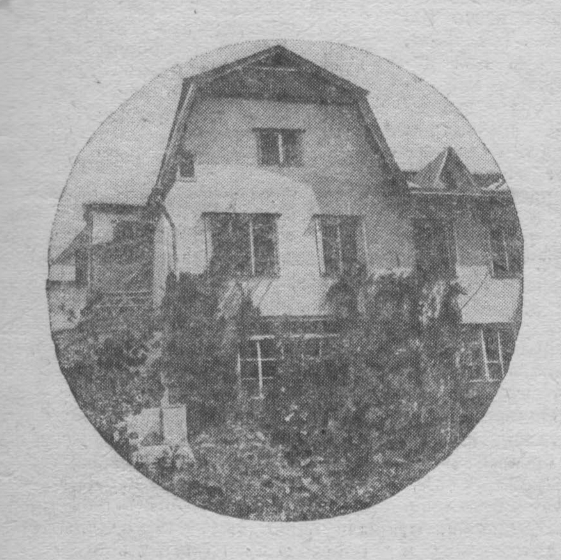
Текст Б. Светланова

Фото Г. Санько

→

Неподалеку от Москвы есть чудесные места, где каждый заснятый фотокадр кажется репродукцией картин Левитана, Шишкина... Белокожие березы, тихо катящая свои воды река, полоска песчаного пляжа, за нею широкие просторы полей и темный лес на горизонте — таков типичный пейзаж тех мест, в которых провел свои последние годы художник Поленов.

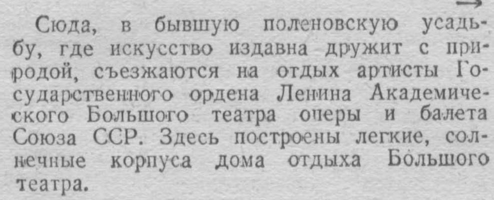

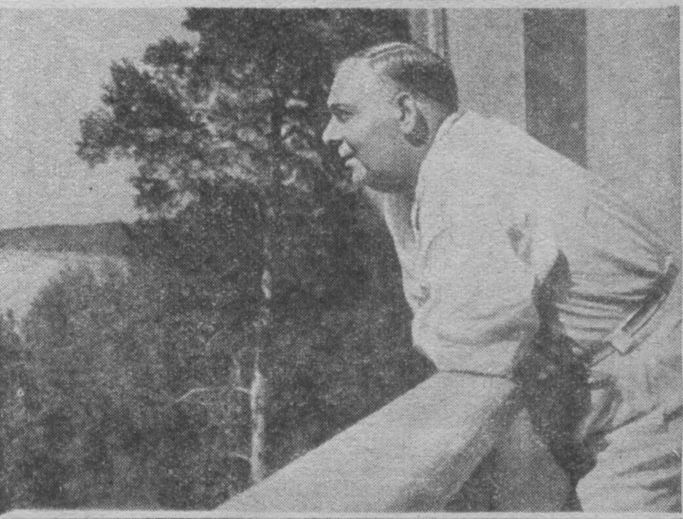
←

Дом, в котором жил художник, превращен теперь в Музей имени Поленова. Здесь хранятся картины и эскизы лучших русских художников, образцы русского народного творчества: деревянная скульптура, резьба по дереву, предметы материальной культуры древнего Востока, собранные самим художником во время его путешествий по Египту и Палестине. Незабываемое впечатление производит этот культурный уголок среди девственных приокских лесов...

→

Сюда, в бывшую поленовскую усадьбу, где искусство издавна дружит с природой, съезжаются на отдых артисты Государственного ордена Ленина Академического Большого театра оперы и балета Союза ССР. Здесь построены легкие, солнечные корпуса дома отдыха Большого театра.

→

Солист Большого театра народный артист РСФСР Василий Никитич Лубенцов, облокотясь на перила балкона, часами смотрел на голубую Оку. Какой простор! Хотелось запеть, да так, чтобы далекие леса откликнулись веселым эхом...

←

Артисты, приехав в Поленово, разделялись на несколько категорий. Категории эти следующие: рыболовы, пловцы, грибники, гребцы, художники-любители. К последней категории относится, например, скрипач оркестра Большого театра тов. Левченко. Представителем категории рыболовов является солист балета заслуженный артист РСФСР Асаф Михайлович Мессерер. С богатой добычей возвращался он в свою палату.

→

Елена Дмитриевна Кругликова, солистка Большого театра, заслуженная артистка РСФСР, проводила свой отпуск вместе с сыном. Целые дни бродили они по окрестным грибным местам.

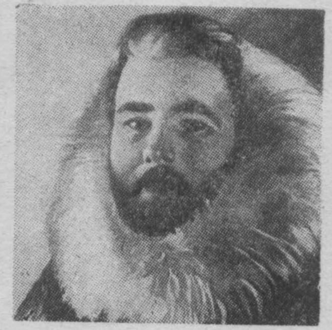
ПЕРВЫЕ РАДИОФОТОГРАФИИ ИЗ АНТАРКТИКИ

Находящаяся в настоящее время в Антарктике американская экспедиция, возглавляемая адмиралом Бердом, передала в Нью-Йорк по радио фотоснимки своей базы Уэст-Бэйз и участников экспедиции. Передача происходила на расстоянии в 12 тысяч миль. Изображения передавались по радио передатчиком в 500 ватт в город Болдуин, а оттуда по телефонным проводам в Нью-Йорк.

До сих пор передача изображений из Антарктики не удавалась вследствие затухания радиосигналов. На экране приемника возникали штрихи, искажавшие изображение. Группа инженеров-исследователей фирмы Пресс-Уайрлесс разработала специальный прибор, который стабилизует радиосигналы и устраняет возможность появления искажающих штрихов.

На снимках: Главное здание антарктической службы американской экспедиции Берда на Уэст-Бэйз. Здание имеет 60 футов в длину и 24 фута в ширину; оно защищено от ветра и бурь специальным предохранительным брезентом (внизу слева).

Работа по сооружению пристройки для научных работ на Уэст-Бэйз (внизу справа).

↑ Член экспедиции доктор Сайпл.

Доктор Ф. А. Уэйд, старший научный сотрудник и командир «Снежного крейсера»—специальной автомашины, приспособленной для передвижения в условиях Антарктики.
↓

1000 САМОЛЕТОВ В ДЕНЬ

Авиационные заводы США работают с максимальной загрузкой, поставляя самолеты на европейские и другие театры военных действий. Спрос намного превышает предложение. К заказам извне добавляется выполнение обширной программы воздушных вооружений самих США. В американской авиопромышленности, выпускающей около тысячи самолетов в месяц, началась настоящая лихорадка.

Автомобильный король США Генри Форд, в свое время доказавший осуществимость своей идеи — выпуска 10 тысяч автомашин в день,— выдвигает теперь новое сенсационное предложение. Он берется наладить в шестимесячный срок производство тысячи самолетов в день, или 30 тысяч в месяц, или 365 тысяч в год! Самолеты будут выпускаться одного, стандартного типа. Форд требует лишь, чтобы правительство гарантировало ему освобождение от налогов.

Проект 76-летнего автомобильного короля подвергся ожесточенной критике печати, отражающей мнение и интересы его конкурентов. Американский экономический журнал «Анналист» суммирует в специальной статье эти возражения и замечания.

Основным препятствием, пишет журнал, считают отсутствие кадров в авиопромышленности. Для выпуска тысячи самолетов в день потребуется значительно больше инженеров, мастеров и рабочих чем сейчас. Если теперь в авиопромышленности занято 100 тысяч человек, то для реализации фордовского проекта потребуется не меньше полумиллиона. Откуда их взять? В стране, правда, имеются миллионы безработных, но, указывает «Анналист», авиопромышленности пришлось, когда она доводила за последний год количество рабочих с 50 тысяч до 100 тысяч, «занимать» кадры у других отраслей: у станкостроительной, электротехнической, автомобильной промышленности.

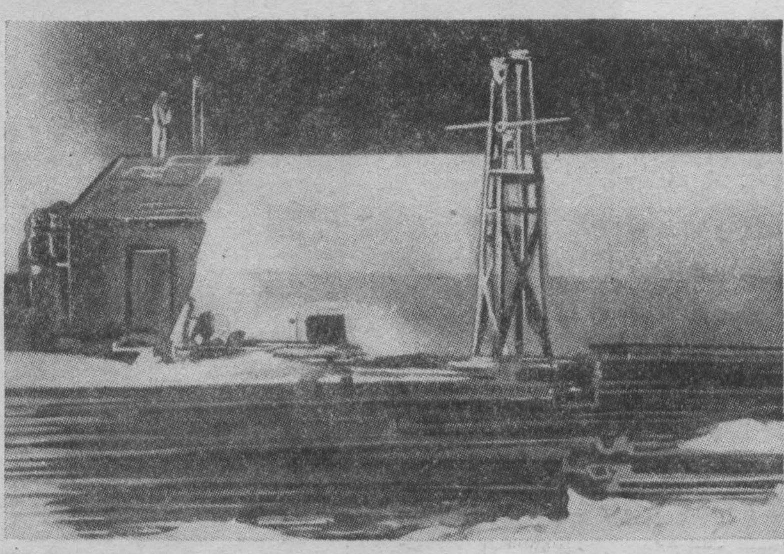
Для того чтобы показать, какой квалификацией должны обладать работники авиопромышленности. «Анналист» сопоставляет мощности и конструкции авиомотора и автомобильного мотора. Если взять, например, авиомотор «Циклон-Райт» в 2 тысячи лошадиных сил, то он имеет 18 цилиндров, каждый по 111 лошадиных сил. Восьмицилиндровый автомобильный мотор имеет всего 100 лошадиных сил. Тот факт, что работа восьми или десяти цилиндров автомобильного мотора выполняется одним цилиндром авиомотора, достаточно ярко показывает сложность техники авиопромышленности и говорит о требованиях, которые предъявляет она к рабочему. Между тем именно квалифицированных рабочих и не хватает.

Второе затруднение, на которое наталкивается проект Форда,—отсутствие необходимого количества материалов: спецсталей, алюминия, латуни, бронзы, меди, серебра, всевозможных сплавов, магнезита, бериллия. Если, заявляют оппоненты, у Форда на автозаводах и накоплены запасы некоторых материалов, то на рынке весьма туго обстоит с магнезитом, бериллием и рядом специальных сплавов. А ведь речь идет о громадных количествах. Быть может, замечает «Анналист», Форду и удастся найти заменители дефицитных материалов, но пока эти заменители будут изобретены и их производство будет налажено в соответствующих масштабах, пройдут годы.

Так же обстоит и с изготовлением многочисленных и самых разнообразных точных приборов для самолетов. Все они запатентованы, и весьма сомнительно, чтобы владельцы этих патентов согласились переуступить их Форду. Если же он сам займется проектированием и изготовлением этих приборов, выпуск тысячи самолетов в день будет отсрочен на несколько лет.

Что касается строительства самого завода, на котором Форд намеревается развернуть производство самолетов, то это, по мнению «Анналиста», наименее сложная часть проблемы. Такой завод, в сущности, уже имеется: это гигантский автозавод Форда в Айленд Парке (штат Мичиган), его можно переоборудовать в течение шести месяцев.

Последний довод фордовских оппонентов бьет по самой идее серийного выпуска стандартного самолета. Авиация, указывают они, непрерывно совершенствуется, армия и флот нуждаются в самолетах не одного, а разных классов. Нужны учебные самолеты, истребители, бомбардировщики, разведчики, пикирующие бомбардировщики, транспортные самолеты, летающие лодки и т. д. Для внесения изменений в конструкцию самолета и для перевода предприятия с производства одного класса воздушных кораблей на другой требуется время. В автопромышленности переход от одной марки машины к другой отнимает от 6 до 8 недель. На этот срок предприятие приостанавливается. На сколько же времени придется всякий раз приостанавливать производство гигантского фордовского авиозавода, спрашивает «Анналист».

ШАХМАТЫ

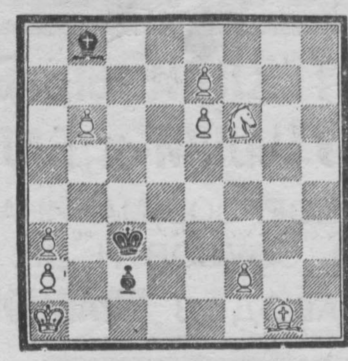
Под редакцией гроссмейстера А. Котова

В предыдущем шахматном отделе нашего журнала был приведен пример комбинации, основанной на превращении пешек в ферзей.

Шахматная композиция, главным образом раздел этюдов, широко использует эту тему.

Особенно эффектны этюды, в которых для достижения выигрыша необходимо превращать пешку не в ферзя, а в слабую фигуру: ладью, слона или коня.

Приводим великолепный этюд московского композитора М. Либуркина, в котором это превращение производится трижды, причем все время в различные фигуры.

Белые: Кра1, Сg1, Кf6 пп. a2, a3, b6, e6, e7, f2 (3).
Черные: Крс3, Сb8, п. c2 (3).
Белые начинают и выигрывают.

У черных сильная угроза дать мат после 1... c1 Ф. Поэтому прежде нужно ликвидировать эту угрозу.

1. Кf6 — e4 + Крс3 — d3
2. Кe4 — c5 + Крd3 — c3
3. Кc5 — b3 Сb8 — e5

Выясняется, что черные снова угрожают матом после отхода короля. Для выигрыша белым нужно вытеснить черного слона с диагонали a1 — h8. Это достигается весьма эффектным способом:

4. f2 — f4 Сe5 — g7
5. e7 — e8 К! Сg7 — h8
6. f4 — f5 . . . .

Теперь, если отходит черный король, то белые перекроют диагональ слона ходом 7. f5 — f6.

6. ... Сh8 — e5
7. Сg1 — h2 Сe5 : h2

Вынужденно, ибо у слона нет другого поля на диагонали a1 — h8.

8. b6 — b7 Сh2 — e5
9. b7 — b8 С! . . .

Очень красиво! Нельзя ставить ферзя, так как черные играют 9... Крс4 + 10. Ф : e5 c1 Ф + 11. К : c1 и достигают патовой позиции.

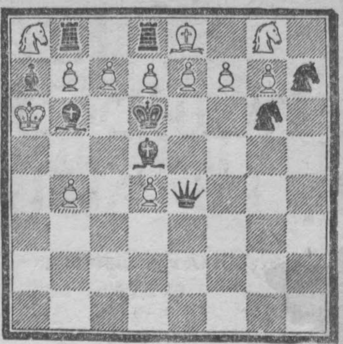
9. ... Сe5 : b8

Угроза 10... Сe5 смертельна для белых. Чтобы избавиться от нее, есть единственный путь:

10. Кe8 — c7 Сb8 : c7
11. e6 — e7 Сc7 — e5
12. e7 — e8 Л! и выигрывают.

Очевидно, что превращать пешку в ферзя белые опять не могли ввиду уже известного пата после 12. Крс4+.

Блестящий этюд, в котором тема превращения пешек в слабую фигуру выражена в максимально возможной форме.

Белые: Кра6, Сe8, Кa8, g8 пп. b4, d4, b7, c7, d7, e7, f7, g7 (12).
Черные: Крd6, Фe4, Лb8, d8, Сb6, d5, Кg6, h7, п. a7 (9).
Белые начинают и выигрывают.

Построение этого этюда очень громоздкое. Однако интересная идея, с помощью которой белые достигают выигрыша, искупает эту громоздкость. Белые достигают выигрыша, проводя последовательно превращение своих пешек в коней, причем этот процесс повторяется шесть (!!) раз.

КРОССВОРД

СОСТАВИЛ ЧИТАТЕЛЬ «ОГОНЬКА» Е. АРХИПОВ.

ПО ГОРИЗОНТАЛИ:

1. Река, впадающая в другую.
5. Женское имя.
11. Героиня поэмы Лермонтова.
15. Порт в Алжире.
16. Беспорядочная группа людей.
17. Приток Западной Двины.
18. Род очков.
21. Смолистое вещество.
23. Косность.
26. Лесной жаворонок.
27. Усушка товара во время пути.
29. Древнеримский поэт.
31. Болезнь.
32. Река в Европе.
34. Размер таможенной пошлины.
35. Слой почвы.
36. Расплавленная масса, извергаемая вулканом.
37. Город в Японии.
39. Название краски.
41. Верблюд.
42. Кровеносный сосуд.
43. Старая русская мера длины.
45. Советский пианист.
47. Воспаление толстых кишок.
50. Католический священник.
51. Учитель красноречия в древней Греции.
53. Римский император начала нашей эры.
56. Судебная претензия.
58. Ученый, изучающий строение тела человека.
59. Орудие труда.
60. Вид лирического стихотворения.
62. Застольная речь.
64. Тропическое растение.
66. Болезнь.
67. Растение.
68. Птица.
69. Действие.
70. Верховное божество в скандинавской мифологии.
71. Река в Северной Америке.
73. Звук.
77. Электрод.
78. Шум.
79. Название реки Дона в древности.
81. Древнегреческий философ.
84. Порода попугаев.
85. Порт на Красном море.
87. Высокий мужской голос.
89. Вызов на палубу всей команды.
92. Публичное объявление.
93. Прибор для измерения глубины водного бассейна.
94. Произведение Достоевского.
96. Кредитное учреждение.
100. Испанский мореплаватель, открывший Кубу.
102. Остров в Средиземном море.
103. Страна в Африке.
105. Ловец рыбы.
108. Темнота.
110. Составная часть родового общества.
111. Сверток.
113. Американский писатель.
115. Случай.
117. Женское платье.
120. Предсказатель в древнем мире.
122. Женское имя.
123. Птица.
124. Человек, чрезмерно увлекающийся всем модным.
125. Ребенок, потерявший родителей.
126. Рыцарь.
127. Лекарственное растение.

ПО ВЕРТИКАЛИ:

1. Одна из двух противоположных точек магнита.
2. Звук.
3. Хищная птица.
4. Сторона в прямоугольном треугольнике.
6. Мучное изделие.
7. Возглас, выражающий воодушевление.
8. Прибор для определения скорости корабля.
9. Дерево.
10. Исследователь Арктики.
11. Река на Кавказе.
12. Сквозная сетчатая работа.
13. Шахматный термин.
14. Нападение.
19. Северное животное.
20. Повреждение ткани тела.
21. Древнее стенобитное орудие.
22. Холодное оружие.
24. Страна в Азии.
25. Бульон.
28. Мешок в древней Руси.
30. Птица.
33. Представитель народа, живущего в Аравии.
36. Время года.
38. Телега.
40. Шахматный термин.
42. Штраф с убийцы в древней Руси.
44. Вероятность осуществления чего-либо.
45. Время года.
46. Имя героя известного романа Р. Роллана.
48. Мифическая река.
49. Соревнование в велосипедной гонке.
50. Истина, не требующая доказательств.
51. Взрывчатое вещество.
52. Прибор для размножения рукописей.
54. Нарицательная цена.
55. Цветок.
57. Гора.
61. Человек, дающий свою кровь для переливания.
63. Оттенок голоса.
65. Расчищенное место для молотьбы.
66. Женское имя.
71. Один из истоков Северной Двины.
72. Часть туалета.
74. Домашнее животное.
75. Трудно искореняемый сорняк.
76. Древний литературный язык яванцев.
79. Вид современного оружия.
80. Бельевая ткань.
82. Математический термин.
83. Стальной канат.
86. Отделка платья.
88. Часть лица.
90. Мельчайшая частица материи.
91. Подать.
95. Удав.
97. Опера Верди.
98. Город в СССР.
99. Произведение А. С. Пушкина.
101. Дорожка для велосипедных состязаний.
102. Бег по пересеченной местности.
103. Нимфа в древнегреческой мифологии.
104. Луковичное растение.
106. Английская писательница XVII века.
107. Верхняя часть дерева.
109. Цветок хлебного злака.
111. Устаревшая форма слова «поэт».
112. Возмездие.
114. Древнеиудейский царь.
116. Умышленное учинение неприятностей.
118. Канава.
119. Футбольный термин.
121. Порт в Балтийском море.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, ПОМЕЩЕННЫЙ В № 25 «ОГОНЬКА»

ПО ГОРИЗОНТАЛИ:
4. Верба. 6. Анис. 8. Герб. 10. Щи. 12. Он. 13. Адонис. 15. Нокаут. 18. Тюз. 19. Кот. 21. Рис. 22. Ордер. 23. Мекка. 28. Интеллигент. 34. Тифоид. 35. Абсурд. 36. Ил. 37. Нар. 38. Як. 39. Брутто. 42. Сиеста. 43. Тангенсоида. 48. Регби. 50. Амвон. 51. Боа. 52. Аул. 54. Иод. 56. По. 57. Хосрой. 59. Ананас. 61. Ай. 62. Мот. 63. Рога. 65. Рука. 67. Арина.

ПО ВЕРТИКАЛИ:
1. Вереск. 2. Абсент. 3. Пи. 5. Ре. 6. Аист. 7. Сад. 8. Гну. 9. Бокс. 13. Азот. 14. Орден. 16. Аркан. 17. Трап. 20. Ом. 24. Блянкер. 25. Цитрусы. 26. Тиара. 27. Мотто. 28. Идиот. 29. То. 30. Еж. 31. Такса. 32. Аскет. 33. Трата. 40. Ян. 41. Си. 44. Аргос. 45. Диван. 46. Крах. 47. Анис. 49. Ау. 51. Бобр. 52. Аймара. 53. Латынь. 55. Дача. 58. Ода. 60. Акр. 64. Га. 66. Уж.

ОТВЕТСТВЕННЫЙ РЕДАКТОР — И. ШАМОРИКОВ. ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА».
Адрес редакции: Москва, 40, улица «Правды», д. 24. Тел. Д 3-39-02, Д 3-36-95. Непринятые рукописи и кроссворды не возвращаются.
Оформление И. Уразова. Стат. формат 275×360 мм. 1/8 доля, 1½ бум. листа. Техредактор — А. Котельникова.
А 31674. Изд. № 932. 3 п. л. Знаков в п. л. 105 000. Сдано в набор 2/VIII—40 г. Подписано к печати 9/IX—40 г. Зак. 2613. Тираж 300 000.
Типография газеты «Правда» имени Сталина, Москва, ул. «Правды», 24.

Гос. изд-во иностранных
и национальных словарей

КОГИЗ
„ПОЛИТКНИГА"

В ПОМОЩЬ ИЗУЧАЮЩИМ ЯЗЫКИ

ИМЕЮТСЯ В ПРОДАЖЕ:

АНГЛО-РУССКИЙ СЛОВАРЬ для неполной средней и средней школы.
15.000 слов, с приложением грамматических таблиц. Утвержден Наркомпросом РСФСР. Стр. 448. Ц. в пер. 4 р.
Словарь напечатан крупным шрифтом. Может быть рекомендован и взрослым, начинающим изучение английского языка.

ФРАНЦУЗСКО-РУССКИЙ СЛОВАРЬ (лилипут).
10.000 слов. Стр. 736 Ц. в пер. 5 р.

ИСПАНСКО-РУССКИЙ СЛОВАРЬ.
30.000 слов, с приложением кратких грамматических сведений по испанскому языку. Стр. 430. Ц. в пер. 6 р. 30 к.

РУССКО-ИСПАНСКИЙ СЛОВАРЬ (лилипут).
10.000 слов. Стр. 704. Ц. в пер. 5 р.

РУССКО-ИТАЛЬЯНСКИЙ СЛОВАРЬ.
60.000 слов, с приложением краткого грамматического справочника итальянского языка. Стр. 639. Ц. в пер. 7 р.

РУССКО-ФИНСКИЙ СЛОВАРЬ.
25.000 слов, с приложением краткого грамматического очерка финского языка. Стр. 544. Ц. в пер. 6 р.

КРАТКИЙ КИТАЙСКО-РУССКИЙ СЛОВАРЬ.
Стр. 688. Ц. в пер. 14 р.

НЫМЫЛАНСКО (КОРЯКСКО)-РУССКИЙ СЛОВАРЬ.
5.000 слов, с приложением грамматического очерка нымыланского языка. Стр. 350. Ц. в пер. 7 р.

РУССКО-КАЛМЫЦКИЙ СЛОВАРЬ.
25.000 слов. Стр. 328. Ц. в пер. 14 р.

ЦЫГАНСКО-РУССКИЙ СЛОВАРЬ.
10.000 слов, с приложением грамматики цыганского яз. Стр. 191. Ц. в пер. 11 р. 50 к.

УЙГУРСКО-РУССКИЙ СЛОВАРЬ.
12.000 слов, с приложением арабского ключа и грамматики уйгурского языка. Стр. 382. Ц. в пер. 13 р.

•

ПРОДАЖА В КНИЖНЫХ МАГАЗИНАХ КОГИЗА.

ПОЧТОВЫЕ ЗАКАЗЫ НАПРАВЛЯЙТЕ в ближайшее областное (краевое) отделение Когиза или по адресу: **МОСКВА, Кузнецкий Мост, 18, магазин «Интернациональная книга» Могиза.**

НАРКОМПИЩЕПРОМ СССР

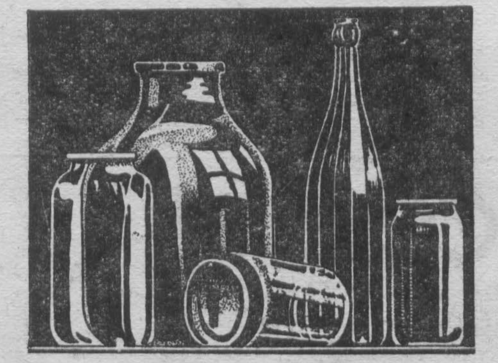

ГЛАВКОНСЕРВ

ВОЗВРАЩАЙТЕ

СТЕКЛЯННЫЕ БАНКИ, БУТЫЛКИ и БАЛЛОНЫ

из-под КОНСЕРВОВ, МАРИНАДОВ, ВАРЕНЬЯ, СОКОВ, СОУСОВ И ДР. ПРОДУКЦИИ ЗАВОДОВ **ГЛАВКОНСЕРВА**

•

ПОСУДУ ПРИНИМАЮТ:

МАГАЗИНЫ И ЛАРЬКИ ГЛАВКОНСЕРВА

и пр. сеть, торгующая консервами.

•

ОПЛАТА ПО УСТАНОВЛЕННЫМ ПРАВИТЕЛЬСТВОМ ЦЕНАМ
от 50 коп. до 6 руб. 60 коп.

•

Принимается посуда неповрежденная и чисто вымытая.

Фабрика „МОСХИМОБЪЕДИНЕНИЕ"
ВЫПУСТИЛА НОВЫЙ ПРЕПАРАТ

Крем «ЮНО»,

ИЗГОТОВЛЕННЫЙ НА ОБЛУЧЕННОМ ЛАНОЛИНЕ и ОБЛАДАЮЩИЙ СВОЙСТВАМИ ЖИДКОСТИ „ЛОСЬОН-ЮНО".

Крем «ЮНО» применяется также в качестве ночного жирного крема для питания кожи и при чрезмерной сухости ее вследствие частого мытья мылом (например у медперсонала, домохозяек и пр.).

Крем «ЮНО» оказывает благотворное влияние при дряблости кожи, на открытые поры и при экземе (особенно сухой). Действие его на кожу сказывается через 30—40 минут после первого применения в усиленном приливе крови к коже, придавая ей мягкость, бархатистость и повышенную упругость.

Крем «ЮНО» имеет приятный запах, быстро всасывается и успешно применяется при жирной и особенно сухой коже.

Крем «ЮНО» быстро освежает и успокаивает раздражение кожи после бритья.

Крем «ЮНО» применяется очень просто. Способ употребления приложен к каждой коробке.

•

В ПРОДАЖЕ ИМЕЕТСЯ ТАКЖЕ ЖИДКОСТЬ

«ЛОСЬОН-ЮНО»,

незаменимое средство для ухода за кожей, содержащее активизированный ультрафиолетовыми лучами ланолин.

ТРЕБУЙТЕ ВО ВСЕХ АПТЕКАХ и МАГАЗИНАХ САНГИГИЕНЫ.

МОСКВА, 133, Калужская застава, «МОСХИМОБЪЕДИНЕНИЕ».

ГДЕ МОЖНО ХОРОШО ОТДОХНУТЬ, ВЕСЕЛО ПРОВЕСТИ ВРЕМЯ И ВКУСНО ПОКУШАТЬ?

В РЕСТОРАНАХ и КАФЕ

ПРИ ГОСТИНИЦЕ

„МОСКВА"

(Москва, улица Горького, 10/2).

•

ЦЕНТРАЛЬНЫЙ РЕСТОРАН

ОТКРЫТ с 2 часов дня до 4 часов ночи.

ПРИ РЕСТОРАНЕ ИМЕЕТСЯ ВОСТОЧНАЯ КУХНЯ

•

ЛЕТНИЙ РЕСТОРАН „КРЫША"

на 7-м этаже с 4 часов дня до 2 часов ночи.

•

КАФЕ на 15-м этаже **с открытой ВЕРАНДОЙ**

с 9 часов утра до 1 часа ночи.

•

КАФЕТЕРИЙ (вход с площади Революции)

с 8 часов утра до 11 часов 30 минут вечера.

ДЖАЗ-ОРКЕСТРЫ — ТАНЦЫ

ТЕЛЕФОНЫ: К 5-55-86, К 5-00-20, доб.: 32-44, 32-60, 32-77.

ВЫГОДНО ХРАНИТЬ
свои деньги в сберегательной кассе
на срочном вкладе
По этим вкладам
сберегательная
касса платит
5%
годовых
СБЕРЕГАТЕЛЬНАЯ
КНИЖКА
Пять рублей
5
ЧЕРВОНЦЕВ
10
ХРАНИТЕ СВОИ ДЕНЬГИ
В СБЕРЕГАТЕЛЬНОЙ КАССЕ!

Огонек
Цена 50 коп